

Сергей Монастырский

Тихий двор с зеленой скамейкой
Сборник рассказов

18+

Сергей Семенович Монастырский

Тихий двор с зеленой скамейкой. Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62837171

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-03346-7

Аннотация

Жизненные истории из своей жизни и жизни своих друзей, молодость, которых проходила в советское время: в 60-70 годы. Герои рассказов обычные люди, со своими горестями и радостями, живущие среди нас.

Содержание

Тихий двор с зеленой скамейкой	4
Не убьют	24
Привет от папы	45
Длинный-длинный день	73
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Сергей Монастырский

Тихий двор с зеленой скамейкой.

Сборник рассказов

Тихий двор с зеленой скамейкой

Это был обычный двор советского детства. Вернее, это был просто советский двор: с его одинаковыми серыми пятиэтажками, крашенными, обязательно в зеленый цвет, скамейками, бельевыми площадками, где гордо, напоказ, сохли зеленые женские рейтузы, полоскались на ветру белые мужские кальсоны, наволочки, простыни, детское застиранное белье, где посредине огромного двора, зажатого между домами, росли березы, и где все асфальтированное пространство было расчерчено «классиками» и разрисовано рожицами, солнышками и прочими фантазиями.

И это был двор Вовкиного детства. Это не был его родной двор, сюда привозили его на лето к бабушке и дедушке, жившие далеко в заполярных широтах родители.

Привозить его начали с шести лет, а уже в семь он в этом дворе впервые влюбился...

Они были ровесниками, она -очень маленькая ростом и очень задиристая, и он долго не решался с ней познакомиться.

И вот однажды, он подождал, когда уйдут подружки, осмелел и небрежной такой, как он думал, походкой подошел к ней, и не нашел ничего лучше, чем сказать:

– Эй, а у тебя трусы из-под платья торчат! – и деланно захохотал.

Трусы у девочек тогда, действительно, были длинные.

Она остановилась, сердито посмотрела на него и выпалила:

– Ну, и что! Трусов что ли не видел? Показать?!

И задрав коротенькое платьице продемонстрировала ему, синие стянутые на ногах резиночками, трусы.

Вовка не понял ничего, ответил, буркнув только:

– Больно надо!

Она видимо, поняла, что он ищет способ познакомиться, и, смягчив тон, протянула ему руку:

– Меня Галя зовут!

– А меня Вовка!

– Вова! – поправила малявка и тут же предложила:

– А давай в классики? –

Вскоре о «женихе и невесте, знал весь двор. Вернее младшая его часть, старшие малявками не интересовались.

Старшие, собирались кучками, покуривали за мусорными баками, бывало и пиво потягивали, и, встречая своих вы-

ходящих из подъезда девушек, по хозяйски обнимали их за талию и вели в кинотеатр.

И когда за Вовкой и Галей стали уж слишком назойливо ходить толпами их ровесники с криками: «Тили – тили тесто, жених и невеста!» Вовка решился.

Он жил без родителей – у дедушки и бабушки, и те, конечно, баловали его, в том числе постоянно давая деньги на аттракционы в парк, мороженное, и вообще, на «погулять».

И Вовка подошел к старшим парням и чуть оробев, все же спросил:

– На пиво дать?

Парни в момент все поняли, и самый длинный из них деловито спросил:

– А че надо?

Вовка показал на гурьбу пацанов, ничего не подозревавших и продолжающих орать про тили – тесто жених...

Длинный вместе с Вовкой подошел к ним, взял самого орущего за ухо и вытянул его до такой степени, что ухо и вправду чуть не оторвалось, строго сказал:

– Кто моего друга обидит, будет иметь дело со мной!

Деньги Вовка отдал, и от «жениха» и «невесты» отстали.

Но узнав об этой истории, Галя Вовке сказала:

– А сам не мог? Герой, какой нашелся? – И неделю к Вовке не подходила.

Вовка страдал. Потом на глазах у Гали он вдруг подошел к одному из бывших обидчиков и со всей силы дал ему в нос.

Брызнула кровь. Друзья избитого гурьбой бросились на Вовку, и помят он был изрядно.

Девчонки смотрели на эту драку с восхищением.

А Галка с гордостью подошла к встававшему с асфальта Вовке и помогла ему подняться, примирительно сказала:

– Считай, прощен!

Утром вставало солнце, от лучей которого Вовка просыпался, быстро проглатывал завтрак, благо бабушка вставала рано, мчался на заветную скамью под тенью березовых веток и ждал.

Галка выходила, когда как. Иной раз часа через два. Вовка принимал небрежную позу, будто только что вышел из подъезда и, делая равнодушный вид, здоровался.

– Книжку принесла? – спрашивал он.

Галка открывала в книжке ту страницу, на которой они вчера закончили, и они оба принимались читать...

... Два следующих лета прошли впустую. Галю родители устраивали на два месяца в пионерский лагерь, и, несмотря на уже давно сложившуюся компанию дворовых друзей, Вовке было как-то пусто.

Потом и его родители перестали отправлять к бабушке.

Увиделись они только через десять лет.

Наступила перестройка, вместе со всей страной зашатался и Север, к тому же умерла бабушка, и тяжело больной дед остался один в квартире.

Родители вернулись в отчий дом. Осенью Вовке предсто-

яло пойти в десятый класс уже новой школы. Но это – осенью. А переехали они летом. Двор ничуть не изменился.

Все те же зеленые, уже облезлые скамейки, свесившееся белье, сохнущее на бельевых площадках, только березы выросли уже почти до неба, да траву на газонах, в отличие от прежних времен никто не косил.

О Галке Вовка не то что бы забыл, то детское чувство, конечно, прошло, но встретить ее было любопытно.

От парней во дворе, и бывших мальчишек из их дворовых компаний, он знал, что Галка никуда не уехала, жила здесь же, на третьем этаже углового дома, замыкавшего двор.

Но во дворе ее не было. Да сам он не проводил во дворе время, все-таки было ему уже семнадцать лет.

И лишь однажды вечером, возвращаясь, домой, увидел он удаляющейся от него силуэт девушки, и непонятно каким чутьем угадал он Галку, где шесть лет, а где семнадцать, но он угадал. Хотя и сомневался. И все же решился. Приблизившись к ней, он сказал в спину девушке, боясь, впрочем, в случае ошибки, получить по морде:

–Эй! У тебя трусы из-под платья торчат!

Девушка остановилась, и, не поворачиваясь, и еще не веря своим ушам, вдруг ответила:

– Ну и что?! Трусов что ли не видел? Хочешь, покажу?!

– Хочу! – заорал Вовка, и Галка повернулась.

– Вовка! – она бросилась ему на шею.

– Привет, Галь! – так же обнял ее Вовка, и шутливо до-

бавил:

– А трусы будешь показывать?

– Теперь уже не буду! – засмеялась Галка.

И странно – вдруг словно и не было этих десяти лет.

Что-то прекрасное детское, родное и любимое вернулось к ним с этой встречи.

Конечно, они не сидели больше на дворовой лавочке, ходили гулять в парк, ездили с друзьями на речку, сидели в затемненных залах кинотеатров, держа друг друга в теплых ладонях.

Утром, перед встречей с ней, Вовка бежал к дворовым клумбам, или убегал до ближайшей нескошенной лужайке за сараями и сочинял для нее экзотические букетики из травянок, репейника и нескольких цветков.

Она важно выходила из подъезда и, не замечая его, медленно проходила мимо.

– Эй, девушка! – кричал ей вслед Вовка, – у вас трусы...

– Мистер, – надменно, не поворачиваясь, отвечала она, – не могли бы вы что-нибудь посвежее сморозить?!

– Могли бы! – кричал Вовка, догонял ее и дарил очередной букет.

Однажды, когда ей действительно надоело слушать про трусы, она надела длинные до колен, видимо найденные в сундуке у бабушки трусы, и коротенькое платьице, и в таком виде вышла к Вовке. Оба хохотали до упада. Вовка хотел эти трусы надеть поверх шорт и в таком виде пойти с Галкой гу-

лять, но она не разрешила.

– Матери скажут, она меня из дома выгонит!

– Вов! А у нас любовь, или что? – спросила она как-то Вовку.

– Какая любовь, когда мы еще ни разу не целовались? – засомневался Вовка.

Решили, что это еще не любовь, а нежная дружба, потому что надо сначала школу закончить, потом институт...

– А потом мы постареем, устанем ждать и разойдемся – грустно сказала Галка.

Но договорились, что пока так и будет.

... Осенью Вовка дарил ей букет из оранжевых клиновых листьев, которые они собирали, гуляя в парке.

Зимой, утром первого января, он свалил во дворе снежную бабу, надел на нее для узнаваемости свою шапку, и вытоптал на снегу:

– С новым годом!-

Учились они в разных школах, потому встречались только по выходным.

... Год пролетел быстро. Быстро прошла и выпускная ночь.

В первое утро своей взрослой жизни, после выпускной гулянки, они под рассветными лучами июньского солнца встретились на своей заветной лавочке во дворе.

– Грустно! – сказала Галя, – Вот и детство кончилось...

Вовка, наоборот, был в каком – то радостном полете.

– Представляешь, – начал он воодушевленно, – завтра начинается наша жизнь! Долгая, неизвестная! Что с нами будет?!

– С нами, – сказала Галка, – если иметь в виду нас с тобой вдвоем – ничего не будет. Разъедемся мы с тобой в разные города: – Я – в Питер, ты – в Москву!

Да, они поступали в разные институты.

Вовка вдруг как-то ясно понял, что их с Галкой жизнь заканчивается.

– Я привык к тебе, – сказал он.

– Я тоже не представляю, как мы будем жить друг без друга, – еще больше погрузнела Галка.

Сидели долго, взявшись за руки и прижавшись, друг к другу плечами.

Утро рассветало. Бессонная выпускная ночь брала свое. Хотелось спать.

... Завтра будет завтра...

Прошло еще пять лет. Иногда они перезванивались. Просто так. Ни для чего. У каждого была своя жизнь, своя компания, своя студенческая круговерть. Летом они разлетались в стройотряды, в международные студенческие лагеря.

На пятом курсе. Почти перед выпуском, Вовка женился. Может быть, и не женился бы – не потому что не любил, а потому, что рано еще, но любимая его была беременная.

Был май. Месяц до госэкзаменов. Вовка поехал показать жену родителям.

Вечером мать тихо шепнула ему:

– Галя тоже здесь.

Он встретил ее на следующее утро. Галка сидела на их скамейке видимо наслаждалась этим тихим утром после шумного Питера.

Вовка сделал жене знак молчания, и тихо подошел к Галке из-за спины.

– Девушка, – начал он, – у вас ...

– Ничего не видно, – засмеялась Галка, – кончай прятаться, я же вас еще у подъезда увидела!

Галка поднялась со скамейки, и Вовка увидел, что у нее уже довольно большой живот.

– Ничего себе! – воскликнул он, – что же ты мне ничего не сказала?!

– А тебе – то что? – засмеялась Галка, – это же не от тебя!

– Слава богу! – тоже засмеялась Вовкина жена, – А то я уж подумала...

Вовка девушек познакомил.

– Но имей в виду, – грозно сказала Галка его жене, – Я Вовку люблю!

– Я тоже, – серьезно сказала жена.

Пошли в кафе, рассказали все друг другу. Оказалось, что Галка тоже вышла замуж скоропалительно. Он был в Питере довольно серьезным бизнесменом, молодой, ему еще и тридцати не было.

– Он меня и не спрашивал, согласна ли я, – рассказывала

Галка и, обращаясь к Вовке, – вот тебе бы Вовка надо было так со мной! А с ним я и сама не опомнилась, как оказалась в постели, потом в загсе.

Оба – Вовка и Галка были счастливы. И опять разъехались.

Была золотая осень. Под ногами шуршали оранжевые кленовые листья, которыми были усыпаны дорожки городского парка, и куда Владимир пришел в этот день со своей уже шестилетней дочерью.

Да, именно Владимир, потому что Вовкой его уже давно никто не называл. Тридцать с небольшим – какой вам Вовка?!

Прижиться в Москве ему не удалось. И после института вернулся в родной город и, к слову, в тот самый тихий двор, где до сих пор напоминало ему все о Галке, а также о той прекрасной поре, о нежной детской любви, которая зародилась вон на той скамейке, видной из окна.

Вот она любовь была, и вот она куда-то улетела.

В этой квартире он оказался волей случая – родители отдали молодой семье двухкомнатную, а себе на последние северные накопления купили однушку.

С Галкой они за эти годы пару раз перезванивались, да вот и все!

... Так они и шли на прогулке по этой засыпанной листьями аллее. Из-за поворота аллеи на эту дорожку вышла – нет,

не может быть! Откуда она здесь?! – вышла Галка. Нет, сомнений нет никаких, это была именно она, и держала за руку девочку такого же возраста, как и дочка Владимира.

Увидев его, Галка ... остановилась, всплеснула руками и неожиданно радостно закричала:

– Ой! Только не начинай!

– Что не начинай? – оторопел Володя, схватил дочку за руку и побежал навстречу.

– Про трусы! – засмеялась Галка.

– Да я не собирался! К тому же ты в пальто, а из-под пальто трусов не видно!

– Все-таки сморозил! – засмеялась Галка.

Они обнялись.

– Девчонки, познакомьтесь, и идите играть, – скомандовала Галка.

– Мама, а про какие трусы? – спросила ее дочка.

– Да это у нас шутка такая!

Было безветренно, и листья с кленов опускались на землю медленно, так медленно, что их можно было ловить руками. Владимир ловил их, прикалывал к Галке в петлицы пуговиц пальто.

Потом они дарили друг другу букеты из листьев, потом сидели на скамейке, болтали ногами.

Муж Галки, такой успешный, такой сильный и очень еще молодой, год назад погиб в автомобильной аварии.

– Ты его любила? – спросил Владимир,

– Не знаю, не успела узнать. Но я без него тоскую!

– А чего сюда не возвращаешься?

– Зачем? – удивилась Галка.

– Ну ...неопределенно протянул Владимир, – вместе бы были...

– Это как? – иронично спросила Галка, – ты бы сбегал от жены и мы целовались бы за сараями?!

– Да ладно! – засмеялся Владимир, – может, я с серьезными намерениями.

– Не бреди душу! – тихо и уже серьезно сказала Галка, – то, что было у нас с тобой, это пока лучшее, что было в моей жизни. Но я не хочу и боюсь туда возвращаться...

– Чо было – то? – Чо было? – желая обернуть все в шутку, дурным голосом заверещал Вовка. (да! он опять в этот момент стал Вовкой), – ни разу не поцеловались даже.

Он подумал и почему-то добавил:

– И трусы ты мне так ни разу и не показала!

– Ну, – задумчиво сказала Галка, – в этом возрасте, чтобы показать, их уже и снять надо! –

Владимир оторопело поднял на нее глаза:

– Может... -

– Даже не думай! – весело сказала Галка.

Это я проверяла, какой ты верный муж!

И желая замять, этот начинающий уже быть опасным разговор, засмеялась:

– А может и хорошо, что ничего не было, Вов! Пусть оста-

нется несбывшейся мечтой.

– Надеждой, – поправил Владимир.

– Да ты одурел, что ли? Вон, твоя надежда бежит, – кивнула она на его дочку, – и моя, – показала на свою.

Прошло еще восемь лет.

Рабочий день подходил к концу, когда раздался телефонный звонок:

– Привет, Вов! Это я.

– Галка! – закричал Владимир, от неожиданности забыв, что в кабинете он находится не один.

– Да, это я, – я здесь. Ты же знаешь, у меня умерла мама.

– Да, Галя – Прими соболезнование. Я ждал тебя, думал, приедешь на похороны. Я ведь тоже провожал твою маму.

– Не могла приехать. Когда мне сообщили, была в командировке в Верхоянске, это самая глушь Якутии. Метель, четыре дня нелетная погода. Не на оленях добираться же!

Потом прилетела. Да какая уже была разница – неделю позже, неделю раньше! Ну вот, я здесь, хочешь увидеться?

– О чем ты спрашиваешь?! Ты где?

– В гостинице «Центральной». Знаешь, не могу в свою квартиру войти... Там везде мама.

– Я понимаю.

– Ну, что едешь?

– Через двадцать минут буду.

– А не поздно для тебя? Все же пять вечера.

– Совру что-нибудь.

– Совещание?

– Нет, на неограниченное время. У нас же режимный объект!

– О, Вовка! Я смотрю, у тебя далеко идущие планы?

– Да ни в одном глазу!

... С ресепшена он ей позвонил. Галка спустилась через несколько минут. Нет, это уже была не Галка. Ослепительной, как ему показалось, красоты, изящная женщина, в элегантном обтягивающем ее стройную фигуру платье, спускалась с лестницы.

Шутки ради он заглянул ей за спину:

– А где моя милая и простая Галка из нашего детства?

– Она там и осталась! – улыбнулась Галка и обняла его. И долго стояла, прижавшись к нему щекой.

– Я же теперь, как это? – бизнес-вуман, – прошептала она Владимиру на ухо.

– Ладно, потом расскажу. Пойдем в лобби – бар, или ты хочешь посерьезнее поужинать?

– В баре уютней, – сказал Владимир, – и народу меньше.

– На самом деле, я приехала два дня назад – объяснила Галка, – но было не до встреч – подала нотариусу на наследство, заключила договор с риэлтерской фирмой о продаже квартиры – это и есть все наследство, ... в общем, какая-то проза, а у меня мама умерла...

Помолчали.

– А вообще, как живешь? – спросил Володя.

– Сходила замуж. На два года. Не понравилось. Вышла.

– А чего не понравилось?

– Да, видишь ли, – засмеялась она, – он мне ни разу снежную бабу на Новый год не слепил и шапку свою на нее не надел. А ты меня когда-то этим заразил. Ни как не проходит.

... Сидели долго. За окном уже сгустилась темнота, а они все говорили, наверное, просто давно ни перед кем не выговаривались.

– Ой, – спохватилась вдруг Галка, – уже поздно, тебя, наверное, жена ждет...

– Ничего, – ответил Владимир, – один раз подождет!

– А один?! – сощурилась Галка,

– Стыдно, Галя, признаться, но, правда – один. Что-то мне кроме тебя за всю жизнь никого не захотелось!

Галка долго молчала. Каким-то шестым чувством Владимир понимал, что нарушить это молчание нельзя.

Потом она как-то глухо сказала: – Не знаю, правильно ли я делаю, может, буду потом жалеть, может – тосковать.... И решительно встала:

– Пойдем, проводишь меня до номера!

До номера шли молча. Владимира трясло, ее, кажется, тоже.

Он взял ее за руку. Она руки не отняла. Около двери номера остановились.

– Ну, что, – тихо сказала она, – наверное, – пока!

– Пока, – также тихо ответил он.

Мучительно постояли.

– Ну, пока, так пока! – наконец решилась Галка.

Опять мучительно постояли.

Потом Галка прижалась к нему, чмокнула в щеку и решительно открыла дверь. И также решительно закрыла.

... На следующий день Володя получил от нее эсемежку: « Я уехала. Эх, ты! ».

Он помучился. Отвечать или нет? А что было отвечать?

Потом он успокоился мыслью, что так было лучше. Вряд ли он жил бы спокойно, после той ночи, если бы она у них была. А дальше? Разрушить семью, оставить одних – жену, дочку?!

Нет, ну не это!

Прошло еще пять лет.

Многое изменилось в жизни Владимира. Он с семьей переехал на место жительства в Израиль – жена Владимира была чистокровная еврейка.

О Галке он все это время практически не вспоминал – во первых, ничего и не было, во вторых, эмиграционные хлопоты заполнили все эти годы.

Наконец, все устроилось.

И давно томившая его тоска по родительским могилам – они умерли накануне их эмиграции – заставила его взять билет в Москву.

– Я быстренько – туда и обратно – пообещал он жене.

Однако, обратный рейс в Тель-Авив – а лететь пришлось опять через Москву – уже перед самым вылетом из Шереметьево был отменен до утра.

И всех пассажиров за счет авиакомпании отвели в находящуюся прямо на территории аэропорта гостиницу.

Вечер обещал быть долгим и пустым, и Владимир спустился в бар.

Очередь к бармену была небольшой, человек пять, и Владимир послушно встал за впереди стоящей женщиной. От нее еле слышно пахло какими-то очень нежными духами, и Владимир для себя определил, что это дорогая женщина.

– Нравится? – не оборачиваясь, спросила женщина, видимо уловив дыхание Володиного носа возле своих волос.

Не узнать этот с юности родной голос было невозможно. Не может быть! Но это была Галка! Впрочем, все-таки не может быть! Так в огромной стране, а теперь и в огромном мире, потому что Владимир уже жил в Израиле, люди не могут случайно встретиться на маленьком пяточке одного аэродромного поля!

И все-таки ошибки быть не могло. Поэтому Владимир смело сочинил привычную для такой к встрече фразу:

– Как вам сказать, мэм?! Если бы из-под платья ...

Женщина мгновенно повернулась и, обалдев, от неожиданной встречи, все же нашла в себе силы со счастливой улыбкой на лице, продолжить фразу:

– Не торчали трусы! ... Вовка! Не может быть?! Вовка!
На них уже стали оборачиваться.

Взяв по бокалу вина, по салату – они уселись за крайний столик в углу.

– Ты как сюда попал? – начала Галка, придя в себя от неожиданной встречи.

Владимир рассказал.

– А ты? –

– А я, Вов, вышла замуж... за француза. Давно. Год назад! – засмеялась – Ну да, для меня это давно. Лечу во Францию. Прилетала в Москву по делам мужа, нужны были русские контакты. Ну ладно! Это неинтересно. Ты когда улетаешь?

– Утром.

– И я утром. Так что у нас с тобой целый вечер! Давай, рассказывай!

Что было рассказывать? Общим у них было только детство и юность. Настоящим было разное – у каждого свое.

Поэтому больше вспоминали о дворе, о своей скамейке, о том утреннем рассвете после выпускного вечера, когда казалось, что впереди долгая – долгая жизнь, и проведут они ее вместе!

... Часы пробили десять.

Наверное, пора по номерам, сказала Галка, – завтра рано вставать.

И как-то после этих слов вдруг пришло осознание, что на-

ступает прощание, и скорее всего навсегда. Разлетались они в разные стороны.

Помолчали. И такая тоска и чувство наступающей потери охватило Владимира, что он от отчаяния, решился на то, на что не решался никогда в этой жизни.

– Галь! – сказал он и взял ее ладонь, – давай проведем эту ночь в одном номере.

– На прощанье? – иронично спросила Галка.

– Да. Я думаю, мы больше не увидимся.

– А какой тогда смысл? – Галка сказала уже серьезно.

– А какой смысл в любви?

– Галка отняла ладони, сжала обеими ладонями голову и о чем-то думая, тихо как-то себе прошептала:

– Думаю, Вов, нам уже не надо это делать. Мы сейчас сделаем что-то такое, о чем потом не захочется вспоминать! Ну, представь – ты меня разденешь. И увидишь уже опущенные груди, снимая, с меня свои любимые трусы, заметишь целлюлит, да и вообще, я могу тебе не понравиться в сексе! Не понравлюсь я тебе или ты мне. Все будет какое-то заурядненькое! И все, чем мы так долго жили, пройдет! Не обижайся, Вов! Знаешь, когда я буду умирать, я буду вспоминать, какое счастье у меня было, которого я так и не узнала!

– Я любил тебя всю жизнь, – сказал он.

– И я – ответила Галка.

Утром самолеты их разлетелись в разные стороны.

Больше они никогда не увиделись.

Не убьют

Телефон уже давно почти не звонил. А ведь когда-то разрывался, от звонков и это было привычным образом жизни – а как же – он нужен всем! Да и просто нужен.

Первое время, когда он ушел с работы, выпал из социума, он вечерами лихорадочно листал в «пропущенных» – вдруг кто-то его искал, а он не услышал звонка, или был в душе, или – в туалете....

Но нет, «пропущенных» не было. Он, конечно, понимал, что так и должно быть, что нужен он до тех пор, пока нужен, но уж чтобы прямо вот так – все сразу и почти немедленно прекратилось?! А что без должности он перестал быть Евгений Петровичем? Ведь кроме служебных, его практически со всеми связывали дружеские связи. Что с подчиненными, что с коллегами выше рангом, что с деловыми партнерами. Нет, все это естественно, конечно. Но все же не так сразу. Обидно как-то. Потом смирился, привык. Постепенно отошел от дел, от прежней жизни Из прежней жизни сначала поздравляли по праздникам, с днем рождения, потом и это ушло.

–Представляешь, говорил он за рюмкой водки приятелю, такому же пенсионеру – То, чем я жил, начиная с института и заканчивая пенсией, длилось сорок лет. И каких! А то время, что мне предстоит прожить, будет длиться лет десять, ну

пятнадцать! Но каких! – горько покачивал он головой.

Да, – вздохнул приятель, – все знают, что надо бы наоборот. Но так не бывает.

Нет, конечно, радости жизни были: семья, в которой Евгений Петрович теперь был круглосуточно, дача, которой он раньше совсем не замечал, встречи и посиделки с узким кругом близких друзей ...

Семья, правда, была небольшая – в основном жена и сын, поздний ребенок, тридцатилетний лоботряс. Лоботрясом это он его называл. Потому что к своим тридцати, сын никак не мог определиться: брался за разные бизнес проекты, создавал какие-то мелкие фирмочки, везде прогорал....

Евгений Петрович сначала верил, финансировал его немного из небольших накоплений, которые они с женой откладывали на счастливую пенсионную жизнь. Хотя и был Евгений Петрович большим начальником в своем научном институте, получал немного, да и не гнался за деньгами, его занимало другое. А так был сын хорошим человеком, добрым, умным... Это было в основном. А не в основном была еще дочь, но была далеко, на дальнем востоке, замужем. Приезжала каждый год на месяц летом со своей пятнадцатилетней дочерью. Внучкой, стало быть. И это был для родителей праздник.

Да, была теперь жизнь тихой, спокойной, медленной.

Была...

Вечером Евгений Петрович заперся в спальне и лихорадочно перебирал записи в своей телефонной книге. Слава богу, он никогда не удалял, даже если к этим контактам он уже годами не обращался. Некоторые из номеров телефонов он, после долгих размышлений, переписывал на отдельный листок, тоже самое проделал с кучей визиток, накопившихся за долгие годы...

Все равно таких «отдельных листков» набралось только два. Посидев над ними еще, Евгений Петрович медленно вычеркнул половину из этого списка. Теперь предстояло для него самое невозможное – звонить по этим адресам.

С Игорем Евгений Петрович назначил встречу в кафе.

– Накормлю тебя обедом, шутил он по телефону, хотя шутки он выдавливал из себя с трудом. Когда-то Евгений Петрович рассчитывал вырастить из Игоря приемника. Талантливый был парень, а Евгений Петрович создавал свой отдел, как детище, как главное дело своей жизни, жалко было, уйти и отдать свой отдел лишь бы кому.

Но Игорь лет десять назад вдруг ушел. Решил заняться бизнесом и за эти годы неплохо преуспел. Талантливый же был человек!

Но Евгений Петрович связи не прерывал. Звонил изредка, интересовался делами. Ведь за годы совместной работы они стали как бы людьми родными. Потому и помог Игорь Евгению Петровичу как-то, когда не было у института денег,

послать того на очень серьезный международный симпозиум со своим сенсационным докладом.

Евгений Петрович, конечно, Игоря ни о чем не просил – он вообще никогда никого не просил. Игорь от кого – то узнал сам. Пришел к Евгению Петровичу и как-то стесняясь, попросил принять деньги, ну, типа, спонсорская помощь.

Благородный был человек Игорь. Потому- то с ним и решил Евгений Петрович встретиться первым.

– Может на этом и все, – думал он.

...Разговор поначалу не клеился. Игорь понимал, что встреча была не просто так, нужно было случиться чему-то очень серьезному, чтобы Евгений Петрович к нему обратился.

Но есть приличия. Обменивались новостями, говорили они ни о чем. Евгению Петровичу постоянно было так страшно начинать, что он решил послать все к черту и уже хотел уходить. Хотя уходить было нельзя.

Выручил Игорь.

–Евгений Петрович, – прервал он никчемный разговор, – Что случилось?

– У меня могут убить сына... – выдавил из себя Евгений Петрович.

... Да, убить могли. Шутками, тут и не пахло, потому что деньги были огромные. По крайней мере, для уровня таких людей, как Евгений Петрович, – сто тысяч долларов. И люди, которым сын должен был такие деньги, тоже были серьезные.

Потому- то первым, к кому побежал Евгений Петрович со своей бедой, да и просто за законной защитой, был знакомый полковник из областного УВД. Ну, не то, чтобы очень знакомый, встречались частенько на рыбалке, на популярной рыболовной базе. Выпивали несколько раз за ухой.

Полковник выслушал, кому-то позвонил, назвал данные, подождал, потом как-то напряженно выслушал ответ, несколько раз сказал в трубку: « Да, конечно»

– Это не наши, – не пересказывая разговор ответил он Евгению Петровичу, – это Москва, там под такой крышей, – со вздохом указал он куда –то в потолок – Словом, ничем помочь нельзя...Да ведь, и признаться, преступления нет: ну взял деньги, подписал договор займа-, ему говорят: «Отдай деньги».... Где преступление?

– Угрожают убить, – мрачно пробормотал Евгений Петрович.

– Кто это слышал? – усмехнулся полковник.– Не убили же!

–А, если убьют? – тупо спросил Евгений Петрович.

–Будем искать...

Все это Евгений Петрович успел рассказать, пока Игорь допивал уже давно остывший кофе.

При словах «сто тысяч долларов» Игорь заметно свял...

– А на что он деньги брал? – что бы хоть как-то оттянуть время для ответа, спросил Игорь.

– Да, ввязался в какой-то дерьмовый проект...

Евгений Петрович рассказал, со слов сына.

Была в Германии такая история – машины утопленники. Было стихийное бедствие. Многие автомобили, зачастую совсем новенькие, ушли под воду. Потом их достали, конечно, высушили все, что надо сделали, но ведь Германия – цивилизованная страна. Никто по цене новых продавать не соби-рался. И ездить на таких не соби-рался. Сын с другом по ин-ституту, уже лет пять, как эмигрировавшим в Германию ре-шили провернуть дельце. Купить в Германии практически за полцены машины, продать в России за полную цену.

Были подготовлены договора, нашлись и заказчики в Рос-сии.

Дело за малым – нужны были деньги. Вот эти деньги с условием «50х50» под договора, под аванс заказчика и дали серьезные люди. Не учел сын только одного – случая, такие перевозки обычно страхуются. Толи денег не хватало, то ли просто стало жалко и под русское «авось» автопоезд тронул-ся в путь. И перевернулся. Ни машин, ни денег.

Игорь, слушая этот невеселый рассказ, походу соображая, какую выбрать позицию.

Ясно же, что подарить Евгению Петровичу такую сумму он не сможет.

Во – первых, что греха таить – жаба душит. Во- вторых, это практически все деньги, или почти все, которые у него были, и они были неприкосновенные, лежавшие на банков-ском счете, средства его небольшой фирмы, на доход с кото-

рого ежемесячно жил он сам и его трое сотрудников.

То есть лишних- нет. А и были бы – неужели отдал бы?.. Он решил не врать.

– Евгений Петрович, я все понимаю, сумма огромная, как вы собираетесь ее вернуть? Не взять ли Вам кредит?

– Мне не дают, я пробовал. Но, Игорь, я же не идиот: продам дачу, машину, продамся институту – я же классный разработчик лишь бы только они мне заплатили сразу, а я хоть до смерти буду работать у них рабом! Я отдам ...

Про себя Игорь усмехнулся: наивен был уже старый Евгений Петрович! Дача и машина едва ли потянут на сорок тысяч долларов, да еще пойди их продай – может и год и два пройти. Ну а насчет такого аванса от института – это совсем наивно. Но говорить так сразу было бы слишком жестоко. Да и помочь как-то хотелось. О службе у Евгения Петровича Игорь вспоминал, как о лучших годах. И о Евгении Петровиче он высокого мнения. Но видно горе затмило светлую голову ученого. И Игорь сказал осторожно – он и правда не знал, как поступит:

– Таких денег, да и вообще свободных денег у меня нет. Вы же знаете – у деловых людей они всегда в обороте. Но я, Евгений Петрович, сделаю все, чтобы вам помочь. Как? Пока не знаю. Попробую поговорить с партнерами. И помолчав, все же спросил:

– А, какая самая малая часть устроит этих людей? Так сказать, в рассрочку...

– Никакая. Тут принцип – все сразу и завтра.

– Завтра? – удивился Игорь.

– Ну, это так, образно – Евгений Петрович усмехнулся, –

Ну, неделя, две...

– Неужели и правда убьют? – недоверчиво спросила жена.

– Могут, – пожал плечами Игорь.

Уютная лампа за их кухонным столом красиво освещала недавно обставленную мебелью кухню. Ребенок посапывал в своей кроватке. Хорошая, спокойная жизнь текла в их квартире.

И где-то, недалеко метался ... Евгений Петрович: – Убьют, убьют сына.

– Ну, ты же не виноват, – жена положила руку Игорю на плечо: – У тебя действительно нет денег.

– Есть. – усмехнулся Игорь.

Жена убрала руку с плеча:

– Ну, тогда так, – вдруг переменив тон, сказала она, – я семейные деньги трогать не дам. Даже если тебе чужой сын дороже своего. А своими можешь распоряжаться.

– А если бы нашего сына грозились убить? – Ну, совсем сдуру спросил Игорь.

– И что? – тебе кто-то бесплатно, безвозвратно отдал бы деньги?!

Игорь должен был признать, что не дал бы никто.

Но и свои оборотные он отдать не мог. Это значило бы

закрыть фирму. И неизвестно на что жить.

– Жаль мне, конечно, его. Но его убьют. А может, нет. А может как-то все обойдется? Рассосется? И с этой спасительной мыслью Игорь тяжело заснул...

Ночь тянулась для Евгения Петровича неимоверно долго. Днем еще можно было как-то действовать, кому то звонить, с кем-то разговаривать.

Да и вообще, днем мир был населен людьми, не было ощущения жуткого одиночества, полной темноты и безлюдности. Ночью все обострялось, и то, что днем казалось нелепой шуткой, как-то не настоящей опасностью – ну не убьют же, в самом деле! Зачем им убивать этого мальчика, денег то от этого не появится, ночью приобретало совсем другой смысл.

Ночью ему являлся другой мир, которого он не знал, но о котором где-то читал, кто-то рассказывал. В том неизвестном ему мире не разговаривают, не ведут переговоры, там убивают.

Нет, в это конечно, он не верил. Правда и не думал, что как-то все рассосется. Все- таки сумма очень большая. Все равно что-то будет плохое, страшное.

Нет, как- то надо отдать.

Жена лежала рядом, с открытыми глазами молча.

С того дня, когда она узнала об этой истории, она как-будто онемела. Сидела или лежала молча. И это была вторая трагедия для Евгения Петровича...

Сын тоже – сидел в своей комнате и молчал.

А что он мог?

Вся надежда была на Евгения Петровича.

– Да, Жень, – выслушав Евгения Петровича, вздохнул директор института, – такая история- врагу не пожелаешь...

В этом кабинете они всегда были Женья и Витя, как когда-то, когда тридцать лет назад молодыми учеными, почти всем выпуском приехали в этот город создавать этот НИИ. Не хотел Евгений Петрович приходить сюда. Сроду он никого ни о чем не просил и уж тем более никогда не смешивал личное со служебным.

– Вить, уточнил Евгений Петрович, – я не в долг прошу, не подачки, я заработать эти деньги хочу. Ты же меня знаешь, я справлюсь с любой темой!

– Да, знаю! – отшутился директор. – Но давай рассуждать вместе – Что я могу? Ну, допустим, я заключу с тобой трудовой договор на одну из плановых разработок. Но ведь не на сто тысяч долларов! И даже не на пятьдесят! Ну, самое большое – на десять. И то – выплата по результатам работы, это полгода минимум. И после экспертиз, замечаний, согласований!.. И то попаду под прокурора – какая, мол, была необходимость заключать договор со сторонним лицом.. Ну, могу еще материальную помощь, как ветерану института... Но это, же копейки ... Ты что, думаешь – раз директор, то залез в кассу и выгребай, сколько захотел?!

– Вить, – помолчав, угрюмо спросил Евгений Петрович, а если бы это был твой сын, залез бы?

– Залез, – помолчав, ответил директор. – Сел бы, конечно, но залез. Но это же не мой сын! Ты уж, Вить, извини, я тебе очень хочу помочь, но сидеть за чужого сына – ну, ты бы тоже не стал.

– Не стал, – согласился Евгений Петрович.

– Ты, не дрейфь, Жень! – чтобы как-то скрасить прощание, сказал директор, – ну, не убьют же, в самом деле!

И снова для Евгения Петровича тянулась бесконечная тягучая ночь. И снова рядом безмолвно лежала жена с открытыми глазами, бессмысленно уставившись в потолок.

Впрочем, Евгений Петрович – не знал – бессмысленно ли? Он боялся задать вопрос жене, а впрочем, знал, что ответа не получит. До этой истории, в своей уже достаточно долгой жизни, он был уверен, что сможет все, что решит все проблемы. Он и справлялся и решал. Но это был его цивилизованный мир, с понятными законами, с понятными принципами поведения.

Тот мир, в который попал сын, был пугающе неизвестным. А впрочем, – вдруг подумал он, – чего я колочусь? Вдруг можно пойти поговорить с теми людьми. Ну, в конце концов, они тоже люди, у них тоже есть дети, жены ...

– Нет, не о прощении будет идти речь, а о каком-то выходе

...

Контактный телефон тех, кто давал займы, Евгений Петрович взял у сына. Сын, правда, долго сопротивлялся, говорил, что решит все сам. Но конечно, понимал, что не решит. А на отца все-таки надежда была. Да и вообще, когда проблема повисает на других плечах, как-то хоть спокойнее.

...На том конце линии хрипловатый голос весело гоготнул:

– Ну, что, несешь?

– Это не сын, – проговорил Евгений Петрович – это его отец.

– Да нам все равно – опять весело ответил голос, – неси скорей!

– Я бы хотел обсудить некоторые предложения – начал, было, Евгений Петрович.

– Да на хрен нам твои предложения – и голос на том конце линии хотел уже звереть, – деньги взял, деньги отдал! – вот и все предложения.

– Я понимаю, – Евгений Петрович старался сдерживать дрожь в голосе – в таком тоне он разговаривать не привык.

– Я хочу обсудить некоторые нюансы того, как отдать. С кем я могу переговорить?

Голос, видно, не был в числе главных в этой компании. Так, шестерка.

– «Нюансы», – передразнил голос, стой у трубки, я доложу.

Ждать пришлось минут пятнадцать.

– Завтра приходи к нашему юристу, – наконец прорезался в трубке голос, – он у нас большой специалист по переговорам. И голос назвал время и адрес.

– Мне бы все-таки с главным переговорить, – опять робко начал Евгений Петрович.

– Чином не вышел с главным разговаривать, – гоготнул голос и на том конце линии повесил трубку.

... Утром следующего дня Евгений Петрович входил в неплохо обставленный кабинет в одном из крупных офисных центров города.

Табличка на двери гласила: »Сидякин Дмитрий Владимирович, юрист» Ну, что ж, юрист

некой процветающей фирмы, вполне солидно и привычно.

Непривычным было только то, что сам Сидякин сидел у окна за столом, а у входа, встав с кожаного дивана, его встретили два крепких парня, явно не юристы.

Профессиональными движениями они обыскали Евгения Петровича, забрали из кармана телефон, кошелек, да и вообще все содержимое.

Евгений Петрович, было дернулся, но один из парней быстро успокоил:

– Не бойтесь, на обратном пути все отдадим.

Потом они каким-то прибором провели по всему телу Евгения Петровича, и пропустили его к столу.

–Бомбу ищите? – попытался наладить контакт Евгений

Петрович.

– Ну, куда вам до бомбы, – впервые поднял на него глаза юрист, – Просто некоторые любят записывать чужие разговоры, потом иди, докажи, что ты не верблюд!

– Ну, так что за предложение, Евгений Петрович, – при этом, правда, юрист косил глаза в лежащую перед ним записку – помощник.

Евгения Петровича приободрило, что был юрист предельно учтив.

– Видите ли, – начал подготовленную речь Евгений Петрович, – нам практически невозможно собрать такую огромную для нас сумму....

– Ясно, – прервал юрист, вы имели в виду в долларах, рублях или монгольских тугриках отдать, или что-то в этом роде – голос его звучал явно издевательски, – а тут видимо, речь пойдет «денег нет, пожалейте, или отдам в рассрочку, по двадцать пять рублей каждый месяц». Евгений Петрович, давайте не будет терять время, я не буду обсуждать эти предложения. Ну, подумайте сами, что тут обсуждать? Ваш сын подписал договор займа. В нем четко стоят сумма и сроки. Есть и условия возврата: он отдает займодавцу весь закупленный на заимствованные деньги товар, оставляет себе десять процентов товара – это его прибыль с этой сделки. Божеский процент! Никаких других условий – типа «отсрочки», «рассрочки», списать долг – в договоре нет. Зато есть штрафные санкции за невыполнение договора – пятьдесят

процентов от суммы займа. Заметьте, но о них пока не говорим. Заимодатель считает, что сын ваш первую часть договора выполнил – товар купил – мы ведь отслеживаем сделку, пробивали по немецким каналам каждый автомобиль. Поэтому обратите внимание на гуманность – вопрос о штрафных санкциях пока не поднимаем. Но товар, то им не получен! Нет товара, нет денег – ну, о каких предложениях вы еще говорите?

Евгений Петрович подавлено молчал. Ведь этот монолог он произносил себе и сам. Ночью в воспаленном мозгу.

– Ну, а убивать зачем? – наконец выдавил он из себя главную в этом разговоре фразу, – Денег то от этого вы все равно не получите.

И тут юрист явно не по-дружески, изумлению его, казалось, не было предела:

– Кто сказал: убивать?! Я сказал: убивать?! Вы что тут провокацию устраиваете?!

– Евгений Петрович быстро стал отступать назад: – Ну, какие – то угрозы, – быстро сориентировался он – требования.

Голос юриста внезапно стал отеческим: – Эх, Евгений Петрович, – да разве вы не знаете, как это – требовать возврат долга через суд? Ваш сын, кстати, нигде не работает. Да и работал бы – суд присудил бы выплачивать из зарплат, что он будет платить. А имущества на сыне вашем никакого нет. Да и проверили мы – даже если вы все свое имеющееся продадите – ну нет у вас сто тысяч долларов? Что бы вы сами

на месте заимодателя делали?.. Ну, конечно, взяли бы грех на душу – погрозили бы, попугали, вот этими бугаями, – он кивнул в сторону молодцов – позволили бы попутать...

– Ну, что же ему делать, сыну? Денег же нет...

– Да пусть хоть банки грабит, – голос юриста вдруг стал безразличным ...– Деньги – вернул – история закончена. Откуда деньги – нас не интересует. Деньги не вернул – история продолжается. Боюсь, что кончится она плохо, – он, как показалось, Евгению Петровичу, сочувственно вздохнул. И поманив пальцем Евгения Петровича, доверительно шепнул на ухо:

– А если прощать, то кто же будет бояться?..

И Евгений Петрович понял, что это был ответ на его главный вопрос.

До сих пор вся эта история все – таки была в его сознании какой-то игрой, сном каким-то, страшилками детскими. И с какой-то безнадежной тоской обнажилась мысль, которую он никак не хотел принимать: убьют!

Выхода у него нет, так же как и у него.

....Впрочем, на крайний случай приберег Евгений Петрович еще одну надежду- дочь.

Ужасно не хотелось с этим вопросом к ней обращаться – в эту беду впутывать всю семью. Тем более «что дочь уже, вроде как, и не семья – живет далеко, виделись они в последние десять лет только раз, по телефону общались тоже редко. Но все, же муж у нее был капитаном дальнего плавания.

Ходил по заграницам...

Жена по -прежнему жила молча. Молча, автоматически готовила обед, подавала на стол, уходила в спальню, ложилась, отвернувшись к стене.

На вопрос отвечала коротко: «Да» и «Нет ». И только, когда Евгений Петрович пришел от «бандитов» – так обозначил он эту встречу, тяжело спросила:

– Ну, что?

– Обещали подумать, – соврал Евгений Петрович.

Жене он врал редко – случаев таких не находилось, но в этот раз ложь была делом святым – отнимать надежду у жены было нельзя. Рушилось все вокруг Евгения Петровича. Но хоть что-то надо было спасти.

Разговор в квартире дочери был тяжелым. Муж, слава богу, не был в плаваньё. А лучше бы – подумала дочь, – был в плаваньё – можно было бы на это сослаться – не по радио связи же вести такие разговоры, а в плаваньё он уходил надолго – на полгода, глядишь за это время что-нибудь и рассосалось бы .

– Тебе самой – то хочется почти все наши накопления отдавать на чужую беду?

... Твой брат связался с какими – то бандитами, просрал сто тысяч долларов! Да, они у нас есть, но я их заработал за долгие годы – не на огороде вырастил!

И теперь, это заработанное, я отдам «дяде», он отнесет их

бандитам, потом снова просрет.

Я что, теперь на него работать должен!? Рыба ты моя, а ты не думаешь, что у нас двое детей, их еще в институте выучить надо! Да и там вдруг со мной что случится, – а нам с пустой книжкой, кто поможет? Твой брат?!..

Вообще нет, зарабатываю деньги я. Ты можешь их тратить на себя, на детей, на нашу семью. На чужую – нет!

– Слезы давно катили по лицу дочери. Но лишаться денег ей тоже не хотелось.

– Но ведь его убьют! – выдавила она последний аргумент. Конечно, так для очистки совести.

– Да кому он нужен?! – муж уже облегченно вздохнул. Отпора он и не ожидал, но и как-то выглядеть погано перед женой тоже не хотелось.

– От трупa деньги ведь не появятся! Ну, возьмут на отработку, будут посылать, скажем, банки грабить...

– Я только отцу не знаю, как сказать, – дочь вытерла слезы.

– Ну, скажи, что я в плаванье, что в таком то заграничном порту арестовали мое судно и всю команду вместе со мной. И мне, понятно, не до этих дел.

– В каком порту? – тупо спросила дочь...

Ночью Евгений Петрович, как всегда не спал. Не потому что думал. Думать уже было нечего. А от глухой какой-то тоски, безнадежной и полной своей беспомощности на этой земле. Пока придумывал варианты, что-то решал, с кем-то

говорил, – это была какая-то деятельность, ожидание ответов. Сейчас не было ничего. Жизнь остановилась. Встал, пошел в спальню сына, разбудил.

– Ты, что, пап, ночь же?! – спросонья спросил сын.

– Ничего, самое время, – ответил Евгений Петрович.

– Слушай, сынок, – сказал он, когда они расселись на кухне. – другого выхода не осталось – тебе надо бежать.

– Куда? – сын устало посмотрел на отца, – достанут везде. Еще хуже будет.

– Хуже смерти, сынок, ничего нет. А бежать тебе надо за границу. Мир большой, по всему земному шару из-за ста тысяч шарить не будут. Себе дороже.

– Пап, ну какая заграница, кто меня пустит?

– А спрашивать не надо, – все продумал Евгений Петрович, – берешь турпоездку, остаешься в стране, переходишь любую границу- в Европе их нет, бежишь куда-то, живешь нелегалом. Тысячи людей живут нелегалами. И твоим братьям нелегала труднее найти – он же не где не зарегистрирован...

Сын понял.

– А маме что скажем?

– Скажем, что уехал зарабатывать этот долг куда-нибудь на камчатку. Завербовался в золотодобытчики.

– Тебя, пап, достанут, – с тоской сказал сын.

– Знаешь, сынок, я во многом перед тобой виноват. Виноват, что с детства не воспитал тебя нормальным челове-

ком, что не дал тебе хорошей работы, что не оградил тебя от этих авантур..., Виноват, сынок, что не накопил за всю жизнь больших денег, чтобы самому спасти тебя от разных неприятностей. Но я тебя люблю. Теперь надо расплачиваться...

Прошел год. Ничего не знал Игорь о том, как развивалась эта история, не знал о судьбе Евгения Петровича. Спустя некоторое время после последней их встречи в кафе, Игорь эмигрировал в Израиль, неплохо там устроился. Но там хватало проблем, что бы еще интересоваться оставленной навсегда Родиной.

Игорь приехал, чтобы посетить могилу родителей, что-то в последнее время заела по ним тоска. Была зима. Кладбище сияло в белом одеяле снега. Одеяло, которое укрыло похороненных здесь, не на ночь – навсегда. Грустно было. Очень далеко он уехал теперь от родителей, от тех немногих еще друзей, которые уже лежали здесь. И сюда он никогда не ляжет. Возможно, больше никогда не приедет. Два памятника с деревянными крестами почему-то остановили его взгляд. Какое-то шестое чувство заставило его протоптать к ним тропинку, поспешно устремляясь к этой могиле.

«Заикин Николай Евгеньевич, родился, тогда-то, погиб тогда-то»

«Заикин Евгений Петрович, родился тогда-то, умер тогда-то» – прочитал Игорь. Разница в датах смерти была в три

месяца.

Привет от папы

Иван Афанасьевич

Серая пелена мартовского утра медленно вползала в забрызганное дождем окно. Больше всего Иван Афанасьевич боялся именно этого часа. Приходилось просыпаться. И длинный как казнь день предстояло прожить. Предстояло проснуться. Провыть волком. Проснулся

(Иван Афанасьевич был парализован) внезапно и страшно. Иначе он бы успел (это он так думал сейчас), что-нибудь с собой сделать. Да даже броситься из окна своего третьего этажа вниз. Нет, так бы не разбился. Ну, перерезал бы вены, медленно умер. Да, это было бы лучше. Да, хоть как-нибудь только не это! Но было это. Инсульт стрельнул внезапно. Когда очнулся в реанимации, было уже вот так – не шевелилось ничего, кроме глаз: ни руки, ни ноги, не язык. И при этом он был зачем то жив – вот такая гуманность врачей, вот такой их профессиональный долг – обречь человека на медленную казнь.

Кормили его через зонд – глотать он кое-как мог. Целый день в голове отчаянно вертелась только одна мысль – как умереть?... Но этого было не дано. Даже попросить об этом он не мог – говорить он не мог. Ну, а мог бы – кто бы пошел на уголовку? Хоть за любые деньги?

Нет, Иван Афанасьевич был обречен на бессмысленную

мучительную жизнь.

Из реанимации его забрала дочь, специально прилетевшая из Швеции, где уже жила лет двадцать. Эти двадцать лет они виделись два раза. В Швецию прилетал Иван Афанасьевич. Дочь ни за что не хотела прилетать в «эту вашу вонючую Рашку». Во второй раз Иван Афанасьевич понял, что она в свиданье не нуждается. Так, разве что для приличия.

Пока дочь довезла его на машине из аэропорта до своего дома, обо всем переговорили.

Следующие три дня не знали, о чем разговаривать. Иван Афанасьевич пожалел

, что не взял отель, увиделись бы в кафе на пару часов, попили пива, и он свободен – смотрел бы город, был бы обычным туристом. Но дочери видно неприлично отправлять родного отца в отель, да и дом у нее был огромный – восемь комнат, стыдно при таком богатстве отца в отель. Да, слава богу, жила дочь богато. Муж у нее был врач с частной практикой, по-русски не говорил, как и Иван Афанасьевич по-английски.

Но мужик видно, был хороший – на каждое слово широко улыбался. Хотя не понимал ни хрена. В отличии от дочери, которая все больше молчала. Типа: «Ну, чайку – то уже попили»!

Больше у Ивана Афанасьевича родных не было. Чему он был очень рад – человек он был совершенно свободный. И жил хорошо, интересно! ... Да, жил. А, может, и нет. Иван

Афанасьевич, как-то не помнил. Он помнил лишь эти последние бесконечно вечно тянущиеся полгода.

... Жена умерла давно. К своим сегодняшним шестидесяти пяти Иван Афанасьевич уже двадцать лет, как холостяк. Больше он не женился. Да, были истории. И любовь была, несколько раз. И жил он с некоторыми. Но – не женился. Как любому богатому человеку, – а Иван Афанасьевич был богат, ну не долларовый миллионер конечно, но все, же состоятелен – да, как любому состоятельному ему казалось, что любят не его, а его деньги, что дай только волю чувствам – вмиг охомутают, приберут к рукам, а сам он им на фиг не нужен.

Дочь уехала. Женщины были, небольшой бизнес был, друзья, коллеги, он всем нужен, ему все рады, времени свободного куча, обязанностей никаких – что еще нужно?

Для ведения хозяйства, а оно было большое – к тому времени он купил небольшой особняк в два этажа с мансардой, считай три, в престижном районе города. Соседи стали друзьями, – да и для ведения хозяйства он нанял женщину на домницу по рекомендации. Миленькая такая и не глупая, без особых претензий.

Приходила утром, готовила ему и подавала завтрак, выполняла его хозяйственные поручения, за которые он давал ей деньги. Когда он уходил на работу, она убиралась, готовила ему ужин – обедал он в кафе.

Потом он как-то, ну типа в шутку, спросил: – какие еще услуги она может оказывать?

– А какие нужно?– спросила она.

– Ну, например, сексуальные – немного оробев от собственной наглости, ответил Иван Афанасьевич.

Она задумалась, помолчала, потом спросила:

– А сколько?

Иван Афанасьевич был щедр, о чем впрочем, потом пожалел:

– Ну, пять тысяч.

– За раз? – спросила она

Сумма ее ошеломила, и с тех пор Иван Афанасьевич вообще не знал проблем.

... Из реанимации его забрала дочь. Но повезла его не в дом, а в специально арендованную двух комнатную квартиру, где в одной комнате будет теперь лежать Иван Афанасьевич, в другой – та самая домоправительница, которой дочь втрое подняла зарплату. Этой милой женщине дочь объяснила, что особняк она закрыла и поставила на сигнализацию. Чтобы не провонял лекарствами и говном из-под Ивана Афанасьевича, а то ведь потом его не продашь, да и не нужен теперь отцу такой особняк – его жизненное пространство сузилось до одной койки.

Вздохнув, она утешила даму, что мучиться ей с больным придется не долго – вряд ли он протянет больше года. И дала свой телефон для связи – если что произойдет– звони!

Серый мартовский рассвет продолжал вползать в его ком-

нату и превращаться в день, такой же серый и нерадостный. Ничего не ждал Иван Афанасьевич от этого дня, как и от завтрашнего, послезавтрашнего и сколько еще там будет....

Сейчас проснется в другой комнате и придет его хозяйка, снимет памперс и вошьет через трубку в рот какую-то кашу, это и будет его завтрак. Дальше будет такой же обед, опять смена памперса, потом ужин, памперс ... Иногда между этим занятием , она что-нибудь ему читала. Не то, что интересовало бы хоть как-то Иван Афанасьевича, а был человек он весьма начитанный, – а то, что читала она сама – в основном любовные романы.

Она прочитала бы ему и то, что ему было интересно, но Иван Афанасьевич не мог ей об этом сказать – язык не шевелился. А в той, до этой жизни они на такие темы никогда не разговаривали. Так, о хозяйстве, на общие темы, да раз в две недели (за пятерку) на тему секса.

Теперь то, чем делался секс, валялось в памперсе, и милая женщина без всяких чувств брала его, обтирала и грустно упрятывала в памперс. ... И так изо дня в день.

Думал Иван Афанасьевич о многом, но мучительнее всего – об одном. О том, как ему сказать, как чем-нибудь дать понять, кому сколько отдать.

Он знал совершенно точно, что умрет и умрет скоро. И все нажитое за жизнь, уже не нужное ему, а он это все приобрел для себя, пойдет куда-то прахом. Ну, не прахом, конечно, дочери, других наследников нет. Но вот никаких удо-

влетворенных чувств он от этого не испытывал- чужая была для него.

Маленькая – была своя, все бы отдал ради этих кудряшек, а выросла, уехала – чужая. Да особенно не нужно было ей все это богатство, а для них с мужем – так, небольшая прибавка, да к тому же с хлопотами. Нужно будет получать русскую визу, приезжать хотя бы на месяц, нанимать незнакомого адвоката, да о чтобы не обдурил, законов русских она сроду не знала. Собирать документы, делать какие-то сделки, платить жуткие налоги- она ведь хоть и дочь, но иностранка, вообще – сто раз подумаешь, прежде чем решиться.

Два случая он помнил. Первый, когда у него был юбилей – пятьдесят лет и он очень звал ее приехать. Хотел погордиться перед гостями, вот, мол, мое главное произведение.

Она не приехала. Позвонила, сказала: – Пап, я пришла за визой в русское консульство, а они работают почему-то до обеда. Я спросила: «Почему до обеда? Ведь сегодня обычный рабочий день?» Знаешь, что они мне ответили? Сказали на чистом русском языке: « Это у вас, у шлюх рабочий день, а у нас восьмое марта!» Знаешь, что? Теперь я пойду за визой в эту страну только когда ты умрешь.!

И второй случай. Он любил, что бы все было сделано, чтобы все лежало в порядке.

Лет пять назад, понимая, что старость – дело такое – можно умереть в один день, он озабочился наследством. Нет проблем. Но часть денег – в валюте – он хранил в банковской

ячейке – не доверяя особенно счетам.

Чтобы в договор о ячейке вписали и фамилию дочери, банк потребовал заверенную копию паспорта дочери с переводом, заверенным опять их русским посольством.

– Она опять же ответила на такую просьбу:

– Я тебе сказала: в вашу «рашку» не поеду. Слушай, что ты так дергаешься, у тебя, что там миллионы долларов лежат?!

Миллион долларов не лежал. И он с обидой понял, что у них разное понимание о деньгах.

И он бы, думал сейчас он, конечно, оставил все деньги не на счетах дочери, а например этой женщине, которая уже много лет за ним ухаживала, да к тому же порой и ночами, лежала с ним в одной постели. Только не оставил...

Вспомнились ему вдруг разные истории из его жизни, женщины, которых он любил, с которыми у него были романы ... Но это же тоже была его жизнь и он бы тоже мог им сейчас , когда ему уже ничего не нужно, помочь...

Да вдруг подумал о своей секретарше на работе, с которой он, конечно , ничего не имел, но у которой был маленький больной полиомиелитом сын, ей тоже можно было бы помочь...

Такое чувство своей полезности и благодарности охватывали его!

И – беспомощность. Как ему это кому-то сказать? Как распределить все?!

Мрачное молчание , как всегда, повисло в комнате.

Отчаянно нужно было и хотелось очень крикнуть, позвать сюда единственного человека, бывшего в этот час с ним в квартире – милую свою хозяйку! Но она на кухне, что-то варила, запах долетал до Ивана Афанасьевича.

Он в этот день умер.

Марина

За столом перед адвокатом сидела довольно миловидная женщина на вид слегка за пятьдесят. Видно было, что официально с кем-то общаться ей было непривычно, она нервно теребила сумку и сидела как-то на краешке стула, словно собираясь уйти.

– Вы уже подали заявление на наследство? – спросил адвокат.

– Да, нотариусу, – ответила женщина – она, конечно, это мне оформила, но сказала, что дело будет решать суд, и без хорошего адвоката мне не обойтись.

– А я хороший? – улыбнулся адвокат.

– Мне вас рекомендовали.

– Хорошо, адвокат придвинул к себе копию заявления нотариусу,

– Марина... Э ...

– Петровна, – с готовностью напомнила женщина.

– Да, Марина Петровна, – снова улыбнулся адвокат. – у меня к вам, в сущности, два вопроса: какую долю наследства Ивана ...э ...

– Афанасьевича, – снова с готовностью напомнила женщина.

– Да, так какую долю наследства вы намерены получить, и на чем базируются ваши претензии?

– Какие претензии? – испугалась женщина,

– У меня нет претензии к Ивану Афанасьевичу.

– Ну, это так называется «претензии». Хорошо, на чем основывается Ваше предполагаемое право на наследство Ивана Афанасьевича?

– У меня от него сын, – как то тихо прошептала женщина...

Да, было дело. Еще при жене. Был Иван Афанасьевич в ту пору еще без отчества. Какой Афанасьевич в сорок с небольшим? Шел в гору, а главное – еще интересовал бизнес, было много друзей деловых, да и просто друзей было не меряно, жизнь неслась весело и бурно. Конечно, были кое-какие любовные приключения, как же без них, – но это так, случайности и мимоходом. Да и чего им не быть? Высокий, красивый, машина, офис, деньги...

К тому же жену свою, с которой уже скоро двадцать лет вместе, он не пылко,
но любил ...

... В тот вечер были они с женой в ресторане, на юбилее приятеля, естественно, гостей было много, не все знали друг друга, общим для всех был лишь приятель.

Молодая эта женщина, девушка скорее, лет может быть

тридцати, сидела по другую сторону стола, напротив них. Она почти единственная была одна, без спутника, что невольно оживило Ивана, но с соседями по столу была, очевидно, хорошо знакома, так как не скучала, оживленно с ними общалась.

Пару раз Ивану удалось проявить галантность, налить ей вина, бутылка эта стояла между ними, посредине стола. На второй раз жена насмешливо сверкнула глазами

– Уже? –

– Да, ладно, – отшутился Иван, – просто вежливость! –

Что-то непонятное творилось в этот вечер с Иваном. Огромные в пол лица глаза, кудрявой незнакомки, ну просто, вышибали из него все остальные мысли, и он уже с трудом поддерживал разговор за столом и даже нечаянно уронил ложку с салатом на платье жены.

Жена уже посмотрела на него серьезно:

– Вань, ну не при всех же!

– Извини, нечаянно

– Я, не про салат!

Решившись в третий раз налить ей вина, пока жена ушла застирывать пятно, Иван, наконец, представился:

– Иван.

– Марина, – ответила она, и как-то то ли из жалости, то ли насмешливо, порывшись в сумочке, протянула ему визитку.

– Можете мне позвонить. А сейчас, перестаньте на меня пялиться, по-моему, не только ваша жена, но и все заметили.

– Я не пялюсь, – как-то скучно сказал он.

А хотел ведь чего-нибудь состроумничать. Первый раз с ним такое.

Да, многое с Мариной у него потом было первый раз в жизни.

Первый раз, ну разве исключая период юношеской влюбленности в жену, он днями ,а порой просыпаясь ночью, и часами не мог думать ни о чем, кроме нее. первый раз, как юнец, не решался пригласить ее на свидание – она, кстати, очень просто согласилась. Первый раз у него не встал, когда они уже, наконец, остались, вечером, у нее в квартире...

– Ты не переживай ,– поцеловала она его, – такое случается. Ты слишком сильно меня хотел.

– А, ты откуда знаешь, как случается, – буркнул от отчаянья он.

– Вань, ведь я до тебя жила.

...До тебя.

Теперь как-то вся жизнь Ивана поделилась: на « до Марины» и « после Марины»

Вернее – с Мариной. Потому что друг без друга они уже просто не могли.

Нет, жили они, конечно в разных квартирах, работали в разных местах. Но утром, совсем не по дороге на работу, он непременно проезжал мимо ее офиса, и она знала, что плюс минус полдевятого просигналит, проезжая его машина и он махнет ей в открытое окно. И она стояла у окна, на втором

своём этаже, что бы там не говорило за её спиной её начальство, и уже обо всем догадавшиеся девушки из её отдела тоже махали ему руками, выглядывая из за её плеча. Это был ежедневный ритуал.

Когда могли, они встречались в обед в кафе..., когда он мог, он под предлогом « много работы, сегодня задержусь», приезжал к ней домой. Это были самые счастливые часы их жизни. Таких часов было много, но всегда не хватало.

По выходным порой любовь подступала так остро, что Иван не находил себе места в ожидании, когда же наступит понедельник.

Надо было, наверное, на что-то решиться, на что Марина ему сказала:

« Даже не думай. Ты что, хочешь все испортить? Ты будешь тянуть за собой этот горб прошлой жизни. Наши встречи из праздника превратятся в будни.. Нет , счастья не будет.

Иван перестал думать. Да и не до того вдруг стало. Дочь вышла замуж за шведа, уехала, это полгода нервотрепки. Заболела жена. Серьезно: онкология. Страшные наступили дни.

Поездки по клиникам, консультации, стационары, куда он вынужден был ездить каждый день.

Виделись с Мариной редко, но созванивались по-прежнему, каждый день. Разговоры, конечно, теперь были на одну тему- как жена? Что можно еще сделать.

Потом раздался звонок, но не от нее. Незнакомая девуш-

ка проговорила в трубку: – Марина срочно уехала, не смогла вам дозвониться. Просила передать вам письмо. Сможете приехать?

Что-то сломалось внутри Ивана. Он, конечно, мог приехать. Но не мог. Он, почему то точно знал, что там было написано. И сидел в машине. ... Интуиция его не подвела,

« Я не хочу, – писала Марина, – чтобы счастье, которое случайно выпало мне в жизни, закончилась в каких то судорогах, кусочничеством встреч, ну как-то плохо. Ты разрываешься, у тебя свои проблемы, они будут еще долго, дай бог твоей жене выздороветь. Слушай, Ваня, у нас была счастливая жизнь. Но больше нельзя. Я уволилась. Уезжаю. На Алтае у меня живет сестра – я тебе не говорила? – Она одна. Мы будем воспитывать нашего мальчика. Да, Ваня, это еще одна причина проститься. Я беременна. От тебя, конечно. Специально.... Я тебя в последнее время обманывала, что мне можно. Просто хотела от тебя ребенка. Не ищи. Я, правда, не хочу, что бы ты меня нашел...»

Иван Афанасьевич и не искал. Через две недели умерла жена.

Миловидная женщина лет пятидесяти, сидела перед адвокатом.

– Так на какую долю наследства вы рассчитываете?– повторил он свой вопрос.

– Я, ничего не знаю про долю, – тихо ответила женщина.

Мне нужно пять миллионов.

– Ого ! усмехнулся адвокат. – А почему не шесть? Не десять?

– Мне нужно пять миллионов, – уже твердо сказала женщина, _ у меня несчастье с сыном. Он связался с наркоторговцами. Да, такое вот несчастье, но это мой сын, – и они его подставили под пять миллионов. Теперь ищут. Он прячется. Я сама не знаю, где он. В последнем звонке он сказал: « Достань деньги, найдусь сам.»

А тут подруга из этого города – я ведь здесь жила – написала, что Иван Афанасьевич умер. Я все равно хотела к нему обратиться. Но он умер.

Адвокат вздохнул.

– Будем узнавать, что у Ивана Афанасьевича есть. Доказать право сына на наследство можно только через ДНК. А как его взять? Сын то в бегах.

– Я сделаю, – твердо сказала женщина.

Нина

Никак не мог Иван Афанасьевич привыкнуть к этой неизвестной ему жизни. Жена умерла. Сначала он делал все, что бы как можно позже возвратиться в пустую квартиру. Жены там не было. И уже никогда не будет. А оказывается, она должна быть. Тогда мир обретал порядок, и можно было заниматься другими делами, в том числе любовными. Еще он понял, что все его женщины – временные, да в общем – то необязательные – а жена постоянная была. Но вот жены –

нет.

Потом стал привыкать. Потом привык. Вроде бы свобода. Но что с ней делать?

Он пробовал завести любовницу. Заводил. Но возбуждения хватало на один вечер. Утром становилось скучно. Хотелось избавиться. Избавлялся.

Были друзья, коллеги с работы. Встречались, выпивали. Но, друзья и коллеги возвращались в свои семьи, а он приходил в пустую квартиру.

...Дочь на похороны не приехала. Заболела. Решила, что когда выздоровеет, приедет, посетить могилу. Необязательно же стоять у гроба.

Выздоровела. Но не приехала. Какие-то там трудности с визами. Она ведь уже не гражданка России.

Ну, так и жил.

„, В тот вечер Иван Афанасьевич ужинал в ресторане. В чужом городе был в командировке. Он был уже Иван Афанасьевичем – года шли к шестидесяти.

Смуглая официантка подавала еду, постоянно улыбаясь. Это было профессионально, но Ивану Афанасьевичу казалось, что она персонально ему. Особенно после трех рюмок. Смуглянка была симпатичной, но уж очень молодая для него, было ей лет около тридцати, не больше..

Иван Афанасьевич, голосом Кисы Воробьянинова из незабвенных «12 стульев» гнусаво спросил:

– Когда я буду иметь счастье увидеть вас вновь?-

Девушка, как оказалось , «12 стульев» читала.

– Пойдемте в номера? – так же гнусаво ответила она.

– Сначала погуляем, – разрешил Иван Афанасьевич.

В двенадцать ночи, как договорились, Иван Афанасьевич ждал ее у входа из ресторана.

К этому времени, правда, он уже подустал и хотел уже, было, слинять, но тут она вышла.

– А хотите, я вам город покажу?– спросила она.

– Ну, да , – без энтузиазма согласился Иван Афанасьевич.

...Такой безумной ночи в биографии Иван Афанасьевича еще не было.

Звали ее Нина. И где-то, через час года как будто сравнялись. Может, молодость ее передалась ему, может, он давно не влюблялся, но что-то незабываемое случилось с Иваном Афанасьевичем.

Ночной город был так себе, маленький, провинциальный, уездный, как раньше говорили. Но много было в нем парков, садов, глухих дворов, каждый из которых они непременно посещали, целовались враскоряку, благо в темноте не было видно разницы в возрасте и не было почему-то во всем городе ни одного человека, сексом можно было заниматься прямо на улице. Они и занимались. В каждом парке, валялись прямо под деревьями, спеша до них добежать, в каждой подворотне, стоя и как-то ухитряясь.

Страсть ее, казалось, была неутомимая.

– У тебя, что давно мужчин не было? – спросил ее потом

Иван Афанасьевич.

– Нет, – сказала она, – я всегда так.

Не мог потом Иван Афанасьевич и понять, зачем они это делали в парках и подворотнях – ведь был у него номер в гостинице, да и у нее был, как потом оказалось, свой дом, где жила одна. А черт ее знает. Наверное, некогда было им туда дойти.

Дошли они под утро. К ней домой. И мгновенно уснули...

... После командировки жил Иван Афанасьевич как-то беспокойно. Все вспоминал ту ночь: девушку Нину, вспоминал тот безумный секс, на который по возрасту он был уже неспособен, но вот поди ж ты! ...

А больше вспоминать было и нечего – они ведь почти не говорили.

И вот это «поди ж ты» – занимало его больше всего.

Он не выдержал, взял билет поехал опять в этот город, нашел ее дом, было уже поздно...

...Это ты?! – радостно изумилась она, открыв дверь! – Давай, скорей!

Слов почти не говорили, кинулись в постель, на ходу скидывая с себя все...

Ночь снова была безумна. Теперь он хотел это иметь всегда.

– Знаешь что, – сказал он ей за завтраком утром, – продай эту халупу и переезжай ко мне.

– Сам ты халупа, – обиделась она, Мне знаешь, сколько за

нее предложили? Четыре миллиона!

—Что же не продала?

— А уехать никто не предлагал, — засмеялась Нина, — Ты первый! Слушай, а зачем мне продавать? Ты же говоришь, переезжать к тебе...

— Ну, это я так, отступил Иван Афанасьевич, — я имел в виду в мой город. Что тебе в этом захолустье- всю жизнь жить?

... Нина приехала. Иван Афанасьевич устроил ее, конечно не в свою фирму — слишком бы это всем наглядно было: не дай бог еще на столе в кабинете секс устроит.

Устроил к партнеру, делая вид, что в шутку, приказав тому к ней не прикасаться.

Сначала Нина месяца три пожила у Ивана Афанасьевича, пока продавалась квартира. Потом купили ей однушку. Денег немного не хвати

ло — Иван Афанасьевич добавил. К тому времени, он уже рад был и добавить. Не в его возрасте такие скачки. А Нина была неутомимая. Причем она не притворялась. У нее было какое-то бешенство. Но больше ничего. Иван Афанасьевич как-то вдруг прозрел и понял, что сглупил, зачем весь этот переезд. И дал себе зарок больше никем не увлекаться.

... Тут, кстати, и милая домработница подросла. Проблема секса была решена раз и навсегда.

... Перед судмедэкспертом сидела молодая смуглянка, недовольно теребя сумочку.

– У меня дочка, – рассказывала она.

– Ей пять лет. Пять лет назад я рассталась с Иваном Афанасьевичем. Недавно он умер. Но дочка не его. У меня к вам предложение. Сделайте заключение, что ДНК совпали, а наследство мы поделим.

Судмедэксперт, отвернувшись, смотрел в окно. Повисло молчание.

– Пополам, – поняла смуглянка.

Судмедэксперт не отвечал.

– Вы что хотите деньги сразу?! – изумилась смуглянка. – Но у меня нет таких денег!

Эксперт, наконец, повернулся к ней.

– Аванс, – коротко сказал он ...

Наташа

Наташа, ты дома? – спросил голос по телефону – Мы тогда сейчас придем –

– А мы – это кто? – спросила Наташа, удивившись – подруга всегда приходила одна.

– Ну, потом расскажу, а то непустишь, – засмеялась подруга.

После смерти Ивана Афанасьевича, Наташа – а это была его домработница – переехала в свою коммунальную квартиру, где занимала одну маленькую комнату.

Жила бедно, потому что работы не было, а деньги, которые платил ей Иван Афанасьевич, и половинка, которую она откладывала, быстро кончились. Кончились и те, кото-

рые щедро дала его дочь, когда insult сразил Ивана Афанасьевича, и она превратилась в круглосуточную сиделку.

Ивана Афанасьевича она вспоминала с теплотой, ведь она была почти членом его семьи.

Да и так он бывал с ней нежен, особенно во время нечастого секса.

Несколько раз за эти почти полгода, прошедшие с его смерти, она ходила к нему на могилу – а кому еще?

... В дверь позвонили. Два звонка – это ей. На пороге стояла подруга с неизвестной, ярко накрашенной и хорошо одетой женщиной.

В их кругах таких не было, и Наташа насторожилась.

– Ну, тыпустишь, или нет? – засмеялась подруга.

Они прошли. Женщина представилась:

– Ольга Юрьевна, юрист.

Ситуацию доложила подруга.

– Слушай, – я тут рассказала о твоей жизни Ольге Юрьевне – Я у нее квартиру убираю – она сказала, что ты будешь полной дуррой, если не подашь на наследство Иван Афанасьевича, такого шанса у тебя больше в жизни не будет...

– Какое наследство, – испугалась Наташа, – я ему кто?

– Практически вы ему гражданская жена, – вступила в разговор Ольга Юрьевна, – Значит так : вы жили с ним в одном доме несколько последних лет. Вы жили с ним в одной квартире, выхаживали, когда его парализовало...

– Мне платили.., – начала было Наташа.

– А что – есть договор, есть квитанции, чеки, вообще какие-нибудь документы, говорящие, что вы все делали за деньги! И что вы не гражданская жена, домработница?

– Нет, -

– Это главное. Зато есть куча свидетелей, которые подтвердят, что вы много лет жили вместе, вели хозяйство. Уходили же вы к себе ночью – кто это докажет?

Ну, словом Иван Афанасьевич умер, его наследство можно в какой – то части получить. Вы никого не обидите, не обделите – насколько мне известно, у него из родных только одна дочь и она очень обеспечена. Вообще, если вы дадите мне доверенность, я возьмусь за это дело.

– Ну, надо подумать... – не решилась на ответ Наташа.

– Думать некогда, – сказала юрист, – через три недели пройдут пол года, а работы для меня уйма.

– Она согласна, – ответила за нее подруга.

– Но у меня все равно нет денег заплатить вам за работу, – как последний аргумент, произнесла Наташа.

– А денег не надо, – уже весело сказала Ольга Юрьевна – заключим договор, половина того, что отвоюем – мое.

Дочь

Дочь на похороны прилетела. Она сама не могла определиться: толи чтобы проститься с отцом, толи , чтобы оформить все необходимые для подачи заявлений на наследство дела.

С родителями она давно уже жила разной жизнью, разными

ми странами. Ну, просто генетический код напоминал, что есть родители, что еще живы, ну о хорошо.

Могла бы просто послать деньги на похороны Наташе, ну всплакнуть дома, ну помянуть... Но все равно нужно было оформлять документы, где-то расписываться, с кем-то договариваться.. Все же острая мимолетная боль коснулась ее, когда увидела гроб. На лицо отца не смотрела – у мертвых другое лицо.

Отец и мама водили ее за руку в школу, в первый класс и мир был добрым и счастливым.

Она заплакала неожиданно для себя ...

Но нужно было заниматься делами. Все-таки из за них она прилетела.

Прошло полгода....

Теперь она в эту ненавистную ей «рашку» прилетела в последний раз, как она надеялась. Да и никого в этой «рашке» у нее не осталось. А страна была чужая.

.... Ну, как там мое богатство, – улыбнулась она нотариусу, – все нашли?

Нотариус перечислила все , что положено по запросам и сколько.

Сумма приятно удивила.

– Это с учетом продажи недвижимости по сегодняшним рыночным ценам, – добавила нотариус. А деньги на счетах подсчитали точно.

–Оформляем, – удовлетворенно констатировала дочь.

Нотариус помолчала.

– К сожалению, – на наследство еще три претендента –

– У отца я одна, – удивилась дочь. Родственников вроде не было.

– Но есть заявления с приложением документов – снова вздохнула нотариус, – Теперь решаю не я – суд.

– Какой суд?! – вспыхнула дочь. – Я прилетела на несколько дней!

Да, конечно, она тут же наняла здесь адвоката, но его занудное толкование законов, и заверения, что «суд мы сто процентно выиграем», ее не устраивало.

– Свяжись с этими «девками» как хочешь, – приказала она адвокату, – но чтобы все сегодня были у меня. Порознь.

Адвокат к «девкам» обратился весьма вежливо: мол дочь хочет провести с вами досудебные переговоры. Найти компромисс.

В назначенное время в кафе отеля сидела Марина. С момента расставания с Иваном Афанасьевичем прошло много лет, прошла целая жизнь, но при взгляде на дочь, неуловимо похожую на Ивана, как-то защемило. Думалось, что все забылось, погасло, и вроде бы и не было, но вот ...

– Кофе будете? – вырвал ее из тумана прошлого голос дочери.

– Да, благодушно ответила Марина.

Дочь подозвала официанта.

– А зачем вам столько денег? – вдруг задала она совершен-

но неожиданный вопрос.

Марина, стыдясь сама себя, рассказала.

Дочь выслушала, помолчала.

– Зря вы мне все это рассказали, – спокойно начала дочь, – Мне вас жаль, но в утешение хотя бы совет на будущее – нельзя давать врагу слишком много информации.

– Вы мне не враг, не поняв еще в чем дело, – начала Марина, – я бы никогда не подумала о наследстве Ивана Афанасьевича, , но ведь сын ... Вы сама не мать?

– Нет, – сухо ответила дочь. – А теперь слушайте внимательно. У вас два выхода: вы отзываете заявление о наследстве, и я не иду в полицию, или как это там у вас? И второй – вы не отзываете заявление, и вашего сына ищут уже две команды- бандиты и полиция. Полиция найдет быстрее – у них агентура.

– А полиция за что?

– Ну ... он ведь наркодиллер! – удивилась наивности дочь. – Думать будете?

– Сколько лет вашей девочке? – спросила дочь, у молодой женщины, сидящей, напротив, за столом в кафе.

– Пять, – весело ответила Нина.

– Значит, последнее сексуальное свершение у вас было «минимум шесть лет назад?» -

– Было и позже, – усмехнулась Нина.

– Но вы, же писали в заявление нотариусу, что после рож-

дения дочери Иван Афанасьевич не платил вам ни копейки алиментов ...

– Я не подавала, – пожала плечами Нина, – думала., у него совесть проснется ...

– Вы значит, к тому времени расстались?

– Заходил иногда, – усмехнулась Нина.

– Зачем?

– Ну, знаешь, старому козлу всегда нужны молодые козочки.

– Старый козел – это, надо понимать мой отец?

Нина поняла, что промахнулась.

– Ну, что вы, это пословица такая.

– Не складывается, – вздохнула дочь – я тут пересмотрела документы отца, и вот досада! – нашла справку семилетней давности – она протянула копию Нине.

– Здесь написано, что у отца к тому времени была такая степень простатита, что стоять у него ... даже теоретически не могло.

Дочь блефовала, справку с печатью она состряпала на принтере, а печать врача с неизвестной миру фамилией заказала в ближайшей штампельной мастерской, заплатив конечно.

Но расчет был верен. Нина как-то внезапно сникла.

– Не знаю ничего, но на меня стоял, – глупо и от неуверенности пробормотала она.

– Давай так, девочка, – дочь внезапно перешла на «ты» –

Ты отзываешься, заявление и я оставляю тебя в покое. И твоего эксперта. Нет, и я по суду заказываю новую экспертизу, прилагаю эту справку, и тебя и твоего эксперта судят за мошенничество...

Осталась одна Наташа. Но дочь понимала, что это дурочка – а иначе сама она о ней не думала- говорит устами юриста. Говорить нужно с юристом, это сложнее.

.... Ольга Юрьевна сидела, свободно, слегка улыбаясь. Дочь усмехнулась тоже.

– Сколько вы стоите? – ровным голосом спросила она.

Все ожидала Ольга Юрьевна, но только не такого. Она готовилась к битве. В крайнем случае, такой вопрос задают в конце.

– Я, вас не понимаю, – гордо сказала она.

– Да все вы понимаете. Смотрите: мы пару лет бодаемся через суд. Причем, в основном все здесь строится на показаниях свидетелей. Я их куплю, можете купить и вы, но у меня денег больше.

К тому же, вы будете тратить свои деньги, не будучи уверенной в результатах. А у Наташки денег нет.

Ольга Юрьевна слушала, на ходу перестраиваясь от первоначального плана, но ей нужно было понять, чем закончится. Закончилось неожиданно быстро.

– Я, даю вам десять тысяч долларов, – твердо сказала дочь

...

– Но ...начала, было, Ольга Юрьевна.

– И не копейки больше, – отрезала дочь, -и даю завтра же, у нотариуса, когда ваша подопечная напишет отзыв своего заявления. Как ее запугать – это ваше дело. Второй вариант – будем судиться. Долго, я найму адвоката. Вы не получите ничего...

Вечером, накануне отъезда , перебирая бумаги в доме отца, чтобы не попали в чужие руки, когда дом будут продавать, дочь наткнулась на не ей написанное письмо, которое Иван Афанасьевич в трагическую минуту видимо хотел оставить после себя, но потом почему- то раздумал, не дописал и вообще, засунул его в незаметный угол письменного ящика. Может быть, хотел, когда-нибудь дописать.

« Милые мои девочки, писал кому-то Иван Афанасьевич, – каждая из вас принесла мне свое счастье, как то осветили мою жизнь, Я вас люблю...

И все. Неизвестно кому оно было адресовано. Не было и даты.

Дочь еще раз перечитала, положила письмо в сумку, потом позвонила адвокату:

– Собери мне к завтрашнему дню их реквизиты для перечисления.

– Кого их? – не понял адвокат.

– Да этих девок. Всех троих. Пошлю им по пять тысяч долларов. Привет от папы.

Утром следующего дня, по дороге в аэропорт, она попросила таксиста завернуть на кладбище. Время еще было.

Могила была ухожена. Договор об уходе и установке памятника она заключила.

А пока это был просто холм с поникшими уже венками.

– Прощай, папа – тихо сказала она, – Может, еще увидимся. На том свете. Там ведь нет границ. И стран.

... Через три часа самолет навсегда уносил ее из той жизни, которой когда-то здесь жил Иван Афанасьевич. Когда-то жил.

Длинный-длинный день

Будильник звонил под подушкой, чтобы кроме нее, никто из домашних не слышал. Но звонил. Ох, как неохота было вставать! Ночь – это самая счастливое время – во сне виделись какие-то совсем необычные истории, в которых она была как совсем постороннее лицо, как зритель. Или нечего не смотрела. Просто проваливалась в сон, из которого не хотелось выходить.

Но надо было. Ольга Павловна заставила себя открыть глаза, минуту еще выходила из сладкого дурмана сна и привычно взглянула на задернутую штору – солнце на улице, или нет: солнца не было.

– Ща включу! – сказала она себе. Включать было надо. Просто необходимо. У нее была онкология и каждый день, когда открывала глаза и была живой, было счастьем. С солнцем, без солнца – какая разница?! Главное, что начиналась жизнь длиной в один день, в котором будет столько всего!

С солнцем, правда, было веселей. Ну, начали!

Ольга Павловна первым делом тихо подкралась к комнате мужа. Рано еще, может спит?

Муж, Иван Петрович, был уже два года как парализован.

Иван Петрович не спал. Он ждал – знал, что в это время, Ольга Павловна проснется и первым делом зайдет к нему. Это был установленный порядок. Первое событие в его дне.

– Бодрее утро! – сказал он.

– Бодрое утро, Ваня! – улыбнулась Ольга Павловна.

Это приветствие придумала она сама. С добрым утром поздравлять не надо – утро, как начало дня, было всегда добрым.

А вот пожелать быть бодрым – совсем другое дело!

– Как дела, Ваня? – тихо спросила она.

– Все нормально.

Разговаривали тихо, чтобы не разбудить внучку, спавшую крепким юным сном в гостиной.

– Вань, тебе почитать? – привычно спросила Ольга Павловна, хотя и знала ответ. Иван Петрович любил утренние новости.

Иван Петрович читать мог и сам, что и делал целыми днями. Но утро нужно было начать с женой.

Она читала, он комментировал.

Ольга Павловна открыла планшет...

– Все, все, Вань! – через полчаса, строго по распорядку – прошептала Ольга Павловна, указав на часы – Пора!

– Валяй, – разрешил Иван Петрович.

В ванной, приводя себя в порядок, Ольга Павловна взглянула в зеркало.

– Ничего себе еще, – отметила она, – невестой, конечно, не назовешь, но для любовницы еще сойду!

Любовницей становиться она не собиралась, вообще такие понятия были за пределами ее жизни. Но такие она уста-

новила себе критерии – если женщина еще может внешне заинтересовать мужчину, то есть стать любовницей, то значит она еще вполне ничего!

Впрочем, то, что статус любовницы был за пределом ее жизни, не совсем так. Точнее сказать – за пределами ее сегодняшней жизни.

Но, была и прошлая жизнь, которая была еще лет пять назад. А так было – случайно, конечно, но было.

Была чудная майская ночь в ее клинике, ее ночное дежурство по отделению. Кушетка в кабинете, тишина в больнице – в коридорах, одуряющий запах черемухи в открытом окне на ее втором этаже. И легкий стук в дверь:

– Ольга Павловна, не спите? – это был голос зам. главного врача.

Встала, задернула халат:

– Входите!

– Как в отделении?

– Да все в порядке, тихо – Ольга Павловна приветливо улыбнулась.

– А вы что не дома? Не спиться?– зам. главного тоже улыбнулся:

– Холостым быть, конечно, хорошо, но иногда одиночество мучает...

Ольга Павловна не собиралась поддерживать этот необязательный разговор, но чтобы хоть что-то сказать, сказала:

– Да ладно, столько женщин, вся больница вокруг вас хо-

дит...

– Ну, да – очень добрая улыбка осветила лицо зам. главного: но, знаете, так бывает, ложишься в постель втроем – ты, она, и одиночество...

Ответ поразил Ольгу Павловну. Ни когда раньше не видела она в нем ничего, кроме врача, хорошего, знающего, баловень судьбы – холостой, красивый, успешный ... Но и только.

– Да вы садитесь, – сказала вдруг неожиданно для себя Ольга Павловна.

... Была майская ночь. Они говорили и говорили и слова как- то точно попадали в душу друг другу. Как- то забыли, что это больничный кабинет, что идет дежурство, что они до сих пор можно сказать и не знали друг друга – так, были знакомы.

Ей казалось в каком-то таинственном ночном дурмане, что более родного мужчины не было в ее жизни.

Нет, это дурман, конечно, сон и в майскую ночь, но такой красивый и сладостный, что не возможно было и не хотелось просыпаться.

А то, что она жена, мать, и еще и бабушка?!

Да идите вы к черту! Да и не помнилось про это!

Как не помнилось, почему она вдруг – не он, а она, совершенно и до сих пор обузданная нравственными устоями женщина, потянулась к нему вдруг, обняла и начала лихорадочно сбрасывать с него одежду.

Ночь катилась. За окном светало. Никто за все это время

не постучал в дверь кабинета.

... Хорошо, что после дежурства полагался выходной. Она не знала, как она сможет появиться на работе, встретится с ним...

Стыдно было ужасно! И перед ним, и перед собой, и перед мужем, ну, вообще перед всем человечеством!

... На следующий день, встретив его в коридоре больницы, она отозвала его в сторонку:

– Простите меня! Я сошла с ума! Больше этого не повторится .

– А жаль, Оля! – ответил он и улыбнулся. – А я в тебя влюбился.

Это пройдет, – тихо улыбнулась Ольга Павловна, – радуясь, что все обошлось так просто.

Но не прошло. Она боролась с собой изо всех сил. Потом бросила – ведь ничего криминального не происходило. Они встречались на работе – ну, а что в этом такого, улыбались друг другу, во время каких- то перерывов гуляли по больничному двору, стараясь в одно и то же время встретиться, на обеде в столовой клиники... Вообще, любовь была, скорее похожая на нежную дружбу...

Но разве это любовь?

И поэтому иногда, а честно говоря, довольно часто, садились после работы в его машину, почти бегом открывали дверь его холостяцкой квартиры, и уж совсем бегом бросались в постель ...

Домой Ольга Павловна приезжала почти вовремя.

... Но это было все в той жизни, которая окончилась пять лет назад. И хорошо, что закончилась,— иногда думала Ольга Павловна. Куда бы еще ее завела эта нечаянно обрушавшаяся и неожиданно случившаяся любовь.

Но у Ивана Петровича случился инсульт. Год она вместе с врачами вытаскивала его из этого состояния. Естественно, пришлось уйти с работы. Слава Богу, только-только достигла пенсионного возраста — на что бы они жили?

Иван Петрович начал ходить, выздоравливал, но конечно к возврату к прежней жизни ни у него, ни у нее речи не было.

Привыкала долго. Постепенно прекратились звонки от коллег, от немногих друзей.

И к потери своей романтической истории привыкала долго. Но привыкла, Ну нет того больше и нет! Надо жить!.

Два года назад Ивана Петровича потряс новый инсульт. Теперь уже парализовало. Почти в это время — новая беда — дочь, жившая отдельно, все чаще стала оставлять внучку Милочку у них, якобы в связи с командировкой на новой работе.

Милочка тогда училась в пятом классе. В конце — концов, Ольга Павловна сказала дочери — Ты уж оставь Милу совсем у нас и ездь по своим командировкам!

Дочь легко согласилась...

Ольга Павловна давно подозревала, что ни каких командировок у дочери нет, как может быть и работы. Просто она

металась по мужикам, пытаясь устроить свою судьбу, возможно и пила, так как частенько, когда она приходила проведать их, от нее пахло.

Милочка, как и все дети, скучала по матери, тянулась к ней, когда та приходила, бросалась ей на шею и никак не хотела отпускать. Но мать, на скоро поинтересовавшись ее оценками, начинала ее отчитывать, то за тройки, то за поведение.

Когда она уходила, Милочка громко рыдала. Рыдала, обнявшись с ней, и Ольга Павловна.

Ольга Павловна тщательно навела макияж, уложила волосы в привычную прическу и оторвалась от зеркала. Волосы редкие. Онкологию у нее выявили недавно. Слава Богу, перехватили на ранней стадии, но она уже прошла два курса облучения. Стыдно сказать, но ее больше беспокоила не онкология, а то, как она будет выглядеть, когда волосы совсем выпадут.

Муж парализован, у самой онкология, дочь где-то гуляет, внучка не ее шее, денег вечно не хватает. Нет, она чувствовала себя радостно и спокойно, когда знала – в ее внешности все в порядке! По этой же причине Ольга Павловна ни когда не носила дома халат. Ну, только, чтобы встать и дойти до ванной.

– Бабка стерва, – поделился с Милочкой как-то мальчик из ее класса, – подойдет в своем вонючем халате и давай ну-

дить под ухом!

– Как в халате?! – удивилась Милочка.

– А твоя бабка что, в джинсах дома ходит?

– Да, изумилась Милочка, – а в чем еще?

Дома Ольга Павловна ходила в джинсах и футболке.

Для улицы переодевалась.

...Пора было будить Милочку.

– Бодрое утро ! – опережая Ольгу Павловну крикнула Милочка из постели.

Пока Милочка умывалась – одевалась, Ольга Павловна наскоро сготовила завтрак. Быстро накрыла прикроватный столик у Ивана Петровича. Нет, не для него – с ним завтрак и долгие процедуры отдельно. Ольга Павловна давно попросила Милочку завтракать с бабушкой – от Милочки они оба были без ума, и хотелось создать мужу хорошее утреннее настроение.

Милочке это было не в тягость – бабушку с бабушкой она любила. С проводами Милочки в школу – благо она была недалеко, и Милочка ходила в нее самостоятельно – заканчивалась первая часть утреннего счастья. Часть вторая состояла из хлопот с мужем. Меняла памперс, которого Иван Петрович очень стеснялся. Когда она его обтирала, Иван Петрович, вроде как в шутку, горестно вздохнул – Когда – то этим инструментом ты пользовалась!

– А разве сейчас он не хорош?– Ольга Павловна шутливо подняла инструмент вверх и нежно обтерла.

Дальше шел их общий завтрак, также у прикроватного столика.

... Обед, слава богу, Ольга Павловна приготовила на два дня еще вчера и поэтому первая половина дня у нее была свободна.

– Вань, как сделать: с тобой погулять, или я сначала в магазин?

– Давай в магазин, – разрешил Иван Петрович, – по телевизору сейчас интересный сериал, я уже втянулся.

– Ну, тогда я еще с Валентиной в кафе встречусь, – решила Ольга Павловна.

– Ну, если только с Валентиной, – вновь разрешил Иван Петрович, – но если с Валентином, то смотри!

Валентина была закадычная, еще со школьных времен подруга. Конечно, они могли встретиться и дома. Валя была женщина свободная – дети давно разъехались, муж на работе... Но в кафе – это как бы выход в люди, светская жизнь, да и чашка хорошего кофе. Она единственная когда-то была посвящена и в романтическую историю Ольги Павловны.

... Поболтали. Ольге Павловне так же не хотелось покидать светлое от утренних солнечных лучей, уютное кафе – сидела бы и сидела!

– Слушай, – спросила вдруг Валентина, хотя эта тема считалась уже запрещенной, – у тебя же не жизнь, а катастрофа! Тебе ни когда не хотелось прыгнуть с этого поезда?

– Не хотелось. Что есть, то есть. И я при делах. Прыгать

некогда, — засмеялась Ольга Павловна. И уже серьезно добавила: — Да и не куда.

... Но нужно было бежать дальше. Пересадив Иван Петровича в коляску, укрыв не ходячие ноги пледом, Ольга Павловна отправилась на прогулку.

Гуляли недалеко. Рядом был небольшой парк и в эти утренние часы дорожки были заполнены мамочками с детьми, а также бабушками с детьми, без детей, собачниками и такими же колясками. Почти все они были им знакомы, так как изо дня в день, примерно в одно и то же время они выходили на прогулку.

Ольга Павловна часто останавливала коляску, здоровалась, желала по обыкновению всем доброго, бодрого дня. И то долго, то коротко обменивалась друг с другом новостями.

А на дежурный вопрос «Как дела?» — радостно отвечала: «Дела наши с Ваней просто прекрасны!

А чем не прекрасны? Они живы, они вместе, ну не вполне здоровы, ну так это также естественно, как то, что впереди будет смерть... У них есть Милочка! И кстати есть сама цель — просто, продержаться еще девять лет. Чтобы Милочке исполнилось двадцать, и она уже вошла во взрослую жизнь, училась бы в институте. А там жизнь ее вывезет! Ну, а что — девять лет, вполне себе реальный срок. А рак?! Ну, как-нибудь ... Есть конечно неприятные мелочи. Нет, не дочь. Дочь это не мелочь, но тут уж ничего не поделаешь.

А вот деньги ... Это да! Денег все время не хватало. Две

пенсии, вот собственно и все. Нет, конечно, было кое-что припрятано. Но это на смерть, к которой Ольга Павловна от-носилась спокойно. Все равно ведь все знают, что умрут. Но похоронить их на что-то надо будет. Дочь в расчет не принималась, а кто знает, есть ли у нее вообще деньги.

– Кстати о деньгах, – подумала Ольга Павловна, – надо бы позвонить дочке ... Она уже второй день оттягивала этот звонок – ну, предчувствовала, чем он закончится. И не хотелось, чтобы муж слышал.

Тут же подвернулся удобный случай. Они поравнялись со скамейкой, на которой как всегда, сидел недавно случившийся партнер Ивана Петровича по шахматам, бодрый старичок с уже раскрытой шахматной доской. Последнее время сидел он тут чуть ли не целыми днями – в поисках – с кем бы сыграть!?

Нет, все в порядке было у старичка дома, но скучно. Он радостно приветствовал Ивана Петровича, да и тот был ему рад – все интереснее, чем без конца телевизор смотреть!

– Вань! – предупредила Ольга Павловна, – только одну партию – Милочку надо из школы встречать.

Сама отошла подальше. Набрала дочь.

– Привет. Как дела? –

– Мам, – раздраженно ответила дочь – ты моими делами интересуешься? Или тебе что-то надо?

– Ну, ладно. Ну, надо конечно. Не мне – Милочке. В эти выходные их класс едет на автобусную экскурсию в Питер.

На два дня. Деньги не большие – по пятнадцать тысяч. Ты же понимаешь?

Ну, просто, ты знаешь, у меня и без экскурсии очень туго ...

– Мам! – прервала дочь – знаешь, если нет денег, нечего ездить на экскурсии – не вопрос жизни или смерти! ...

– Но Милочке так хотелось ... – продолжила, было, Ольга Павловна, но дочь уже выключила телефон.

Ольга Павловна вздохнула, оглянулась – не слышал ли Иван Петрович – подумала, что опять придется идти в ювелирный ломбард.

Деньги, которые они с Иваном Петровичем накопили за жизнь, почти растаяли, остался неприкосновенный, как они считали, запас – мало ли что? Да и на похороны.

Но в той, – она делила жизнь на ту и эту – так вот, в той жизни Иван Петрович делал дорогие подарки – кольца, серьги, броши – правда, дорогие.

Не обижать же мужа. Но и почти не носила – складывала в коробочку.

Вот и пригодилось – в крайних случаях, скрипя сердце и уж конечно, в тайне от Ивана Петровича, шла в ломбард.

Экскурсия, конечно, не простой случай. Но как сказать Милочке, что она не поедет?!

... Иван Петрович увлеченно доигрывал партию.

– Вань, пора, – взялась за коляску Ольга Павловна.

– Отстань! – вдруг огрызнулся Иван Петрович, – Дай до-

играть!

Да, иногда он срывался, грубил, скандалил ...

Ольга Павловна понимала – все же он инвалид, ему хуже, чем ей. И старалась себя сдерживать.

Мила уже должно быть, шла из школы. Ольга Павловна ей позвонила, сказала, чтобы она шла не домой, а в парк.

Обед, уроки с Милочкой, медицинские процедуры с Иваном Петровичем ...

Все шло как обычно. Пока.

....Уже поздно, когда Милочку она уложила, раздался телефонный звонок.

– Это ты?! – изумилась она, узнав голос из уже почти забытой той жизни. Да, она знала – он, нечаянно случившийся в ее жизни, вскоре после их расставания, уехал в Израиль, говорят, сделал довольно успешную карьеру, работает в известной клинике ...

– Да, я, Оля! – извини, что звоню. Пять лет держался ...

– Ну, мы же договорились, – Ольга Павловна никак не могла попасть в нужный тон.

– Ну, да. Да я очень часто хотел позвонить, ну просто спросить – могу ли чем-то помочь ...

– Можешь, – грустно сказала Ольга Павловна – помоги мне прожить еще 5 лет. Очень нужно.

– Это такая шутка?

– Шутка, конечно! Знаешь, у меня все хорошо. А ты женился?

– Не на ком! – засмеялся он.

– Да? А говорят, израильтянки красивые.

– Да. Но вот была у меня одна девушка в России. Красивее не встретил.

– Была. Знаешь, эта девушка так постарела, ты бы и не взглянул.

– Ну, ладно. Не травми душу. Оль, я, знаешь чего звоню... Его информация была ошарашивающая!

Один миллионер – а там миллионеров много – в благодарность клинике, которая сумела вытащить его из практически безнадежной онкологии, создал при клинике благотворительный фонд. Деньги фонда – для тех больных онкологией, которые не имеют средств на операцию в Израиле. Не для всех, конечно. Есть сложная система критериев, тестов, определенных заболеваний и, конечно, предоставляются рекомендации...

– Сейчас – продолжал он, – идет прием претендентов под первые транши. Вернее прием документов для рассмотрения.

–Оля! Я, конечно, не могу обещать и гарантировать, но зная ситуацию, считаю, что шанс у тебя есть.

Ольга Павловна почти не понимала, что он говорит – ошарашивающей и неопределенной была тема.

– Я правильно понимаю.– она с трудом подбирала слова, –ты хочешь, чтобы я выехала на лечение в Израиль? –

– Пока я хочу, чтобы ты подала документы. Бланки и об-

разцы я вышлю. Ходатайство и рекомендации от нашего с тобой бывшего главного врача я обеспечу...

– Почему он бывший? Он ушел?

– Нет, слава богу, он на месте. Это наш бывший.

– Так. А потом все-таки, если все выйдет, я должна поехать?

– В чем-то проблема?

– Парализованный муж, внучка на моих плечах – это не проблема?

Он помолчал.

– Тебе нужно прожить еще девять лет. Не ты ли просила в этом помочь? Кстати, почему девять?

Ольга Павловна задумалась.

– Знаешь, – почему, сказала она, – давай я не буду сейчас отвечать?! Дай мне разобраться...

... Глубокая вечерняя тишина повисла в квартире. Мила сладко спала. Причмокивая как ребенок, губами. Иван Петрович задремал, уронив на грудь раскрытый планшет. Сквозь плотно задвинутые занавески заглядывала уютная луна.

Тихое семейное счастье, обычно разлитое в этот час, нарушал только отзвук того недавнего звонка.

Держать это все в себе Ольга Павловна уже не могла. Вышла в кухню, плотно прикрыв за собой дверь. Набрала номер подруги.

– Ничего себе! – восхитилась Валентина, выслушивая

краткий рассказ о звонке из Израиля. – Везет же некоторым на счастье, за которым она даже в очереди не стояла!

– А ты стоишь? – спросила Ольга Павловна.

– Всю жизнь! – серьезно ответила подруга. – Ну что, когда едешь?

– С чего ты взяла, что я поеду?

– Ты что? Дура, что ли! У тебя онкология, не забыла? Себя не жалко, так о семье подумай. Милку отдадут ее непутевой мамаше, та ее быстренько в детдом сплавит, Ивана – в дом инвалидов! Нет что ли?! Тебе уже два года назад говорили – такие операции делают только в Израиле. Ну, по- моему еще в Германии. Сто тысяч долларов!

– Ну, как-нибудь протяну с химиотерапией...

– И это мне врач говорит!

– Валь, ну, в самом деле – не могу я поехать. Милку никому кроме матери не отдашь. Какой я ее от туда заберу?! Все равно, что в тюрьму сажают невиновного, а выходит он закоренелым уголовником! Ивана куда?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.